

Такой, какой я есть +

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Важенин Андрей

18+

Андрей Владимирович Важенин

Такой, какой я есть +

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69860362

SelfPub; 2023

Аннотация

Такой, какой я есть +. Жизненные впечатления, встречи, мысли, приключения+

Андрей Важенин

Такой, какой я есть +

Вступление

Уважаемые читатели, дорогие друзья, я очень долго сомневался, стоит ли браться за этот опус, за продолжение книги, которая вышла 2 года назад. Но, вы знаете, я был очень тронут и поощрен тем вниманием, которая вызвала первая часть этой книги. Наверно, были люди, которые с неприязнью и с осуждением прочитали ее. Но это тоже нормально, то есть книга как разговор, беседа должна вызывать разные эмоции у разных людей. Наверно, кого-то я хотел зацепить сознательно, но для большинства – это был искренний, открытый разговор. Я думаю, что он в какой-то степени удался.

Это побудило меня продолжить свой литературный опыт. Это не второй том, это не нечто новое, это как с друзьями беседуешь, продолжение беседы, которая была остановлена и начата в следующий день, через неделю, через полгода, через год – знаете, как с друзьями есть незакрытые темы, которые могут возобновляться на любом этапе.

Буду признателен, если вы потратите какое-то количество своего времени на знакомство с этим опусом. Спасибо за внимание. Надеюсь не быть скучным. Эта книга так же пи-

салась в самолетах, в отелях, на пляже, в выходные, и вообще – такой подход мне понравился, он оказался достаточно интересным и плодотворным, и, самое главное, он не позволяет надувать щеки от величия и размахиваться на большие, эпические сочинения. Крупным российским писателем себя не ощущаю.....

Понятно, так же как и в первой книге, здесь не будет сколько-нибудь глубоких откровений о самых близких людях, ну и, в конце концов, у каждого из нас в душе есть комнаты, уголки, куда мы не пускаем никого, да и сами не очень любим туда ходить. Поэтому извините.

Спасибо читателям и друзьям.

Никогда никому

Есть известный сюжет детективной литературы, когда преподаватель в некоем специальном учебном заведении предлагает курсантам на листе бумаги четко и логично изложить по приоритетам свои самые сокровенные цели. После того как задание выполнено, преподаватель говорит: «А теперь плотно сверните, разорвите свои записи на мелкие кусочки и никогда ни перед кем не раскрывайте своих стратегических целей».

Очень важный урок, очень важное правило, но частично,

может, относится и к этой книжке, уж извините.

По – моему это интересно

Оказывается, изображение великих людей на конях, на лошадях имеет свои очень строгие канонические правила.

Если всадник изображен в скульптуре на коне рядом с морем, значит, умер за границей.

Если конь всадника стоит на двух ногах (как правило, видимо, на задних), то всадник погиб в бою;

Если на четырех – значит, дома;

Если на трех, одна нога подогнута, значит, неизвестно – от чего.

И только Ельцин – на танке

Вот так. Все непросто.

—
Курган и его герои

Это не очень большой провинциальный город на границе Урала и Сибири, наши ближайшие соседи, город с интересной историей, с которой у меня связано достаточно много интересных моментов.

Парадоксы нашей истории, нашего мировосприятия: с одной стороны, это город, где работал академик Илизаров, человек, открывший целую эпоху в травматологии, в лече-

нии костных повреждений, революцию в изменении длины конечностей, конструктивной ортопедии, великий ученый, великий боец, который создал школу, где расположен этот Центр имени Илизарова, который жив и, к счастью, успешно выживает. В этом Центре работает очень близкий мне человек – профессор Анна Майоровна Аранович, которую я знал, с которой мы познакомились еще во времена комсомольской юности, когда она была секретарем Курганского обкома комсомола. Проводилось много научных конференций молодых специалистов.

И я помню одну из хохм той эпохи, когда мы приезжали в начале-середине 1980-х годов, и был всеобщий дефицит, нехватка мяса, а в Кургане магазины были завалены говяжьими и свиными ногами и хвостами. Понятно, что работал большой мясокомбинат, готовилась тушенка для всей советской армии и, так сказать, запасы на критический период. И на вопрос к местным ребятам «Ребят, вот ног столько, а где сами свиньи и коровы?» они отвечали: «Ты знаешь, это институт Илизарова включился в продовольственную программу: они ноги удлиняют и обрезают, удлиняют и обрезают».

С другой стороны совсем – здесь же, напротив Центра Илизарова, как данность времени, был расположен центральный гастроном со специальным отделом для иностранных больных, где по талонам можно было купить растворимый кофе, хорошую колбасу, мясо. Тоже интересный знак времени.

И, наконец,, Курган в других слоях населения известен как родина Солоника, самого крупного, известного киллера эпохи 1990-х годов. Город, который рождает различные таланты. Уж что есть, то есть. Такова наша российская реальность.

Дюма ? Белинский !

Белинский, оказывается, был переводчиком на русский язык Дюма-старшего.

Самовар Демидовых

Я с большим интересом и удивлением узнал, что, оказывается, самовар – это не некое русское народное изобретение неизвестного автора, как мы считаем в отношении многих вещей нашего быта и обихода, а имеет вполне конкретного изобретателя и вполне конкретную цель.

Самовар был изобретен мастерами Демидовых по заказу Демидовых, по заказу армии, как источник тепла, кипятка, требующий минимум дров (а в дело могли идти и щепки, и кора, и еловые шишки) и, самое главное, который не светит в темноте. Вот такой военно-полевой аппарат для получения тепла и кипятка без засветки места расположения. Просто, гениально, что подтверждается тем, насколько самовар вошел в быт русского человека.

Но, наверно, в общее пользование он вошел, как и многие армейские предметы, поскольку всегда армейским имуществом приторговывали, его копировали, воровали, так же, как в свое время вышло и с картошкой.

Декабристы и сельское хозяйство

Мы все, наверное, воспитаны со школы с преклонением перед подвигом декабристов, гражданским, духовным подвигом, хотя весьма спорны их политические взгляды, чего они на самом деле хотели и что получилось.

Но тем не менее духовное богатство этих людей не вызывает сомнения, и гражданский подвиг после осуждения их и их семей тоже не девальвирован временем.

Однако, будучи в Сибири, я узнал очень интересный факт, который, пожалуй, если не перевешивает, то, может, идет вровень с их политическими новациями, которые они внесли в жизнь страны. Именно декабристы привезли в Сибирь картошку, и это резко изменило, резко перевернуло как диету, так и продовольственную крепость сибирских губерний. Без картошки жизнь там была достаточно трудная, проблематичная и часто голодная. Именно появление картошки позволило Сибири стать одной из главных российских житниц, создать условия для развития животноводства, в том числе и развития сельского хозяйства. Пшеница, рожь, которые раньше почти целиком уходили на пропитание, – картошка

нарушила этот баланс.

Таким образом, бытовые моменты несут за собой очень мощные экономические послы. Поэтому спасибо и поклон декабристам еще и за картошку в Сибири.

Челомей, Янгель, Глушко, Королев

В истории Советского Союза, в истории космонавтики, наверное, драмы отношений этих четырех людей, которые, к сожалению, так и не стали единым квартетом, сыграли большую роль в развитии нашей страны. Наверное, здесь и успехи, которых на первом этапе достигла наша космонавтика, – полет Гагарина, полет первого спутника, и провал лунной эпопеи, последующие неудачи. Государство не смогло собрать этот великолепный квартет в один ансамбль – четыре гениальных человека работали каждый сам по себе, каждый сам по себе был гениальным и интересным.

Фантастические разработки Челомея в плане орбитально-го самолета, космических станций. Мы помним, что «Союз» и «Алмаз» – это две совершенно разные машины, из двух разных КБ. «Алмаз», правда, летал под именем «Салюта», но это другая машина. Двигатели Глушко, ракеты Янгеля, ракеты Королева, чудесный прорыв Королева с ракетой Р-7 и блок на крылатую ракету, фактически «Космоплан», «Буря», которая, может, была бы более перспективна, чем королёвская «семерка», но выигрыш темпа сыграл в пользу Королё-

ва. Королёв, который только после смерти, к сожалению, получил всемирную известность, и Челомей, и Янгель и Глушко, которые известность получили уже через многие годы после их ухода из жизни, но оставив не меньший задел.

Это драма, наверное, достойная Шекспира, Островского. Нет, наверно, все-таки Шекспира. Драма талантов, драма страны, драма государства в этих четырех гениальных людях. Я советую, если где-то в литературе встретится, обращайтесь внимание на фамилии, на то, что эти люди сделали. Трое из них работали в Москве, причем в разных ее концах, на разных окраинах, и один работал на Украине, в Днепропетровске.

Такая вот история. И единственный, который как бы находился в стороне, это академик Макеев, который уехал на Урал и как бы вышел из этих конфликтов, заняв полностью свою нишу создания ракеты подводного базирования, и прожил очень короткую, но яркую и счастливую жизнь на Урале. И я думаю, что условия, выбранные для размещения КБ в небольшом уральском городке, без соблазнов, без условий для ухода специалистов из отрасли, сохранили этот уникальный научный коллектив в целостности, коллектив, который трудится до сих пор.

В этом плане по предвидению, по стратегическому развитию, наверное, Макеева можно поставить очень высоко, хотя не по чину нам пытаться расставлять таких людей, такие глыбы по какой-то иерархии. Это великие люди, гордость на-

шей страны, гордость нашего народа.

Сталбер

Во время поездки в Грузию познакомился с человеком – это гид по имени Сталбер, что расшифровывается как Сталин-Берия. Это будет покруче, чем Владлены, Вилены, Октябрины и всякие прочие Тракторины. Сталбер – это серьезно.

73-37

Эта пара цифр – можно так, можно так – интересна сама по себе.

Во-первых, зеркальное отражение одного и другого.

Во-вторых, это два последующих натуральных числа: после 37 следующее – это 73.

Два соседних, полностью зеркально отраженные. Вообще, в нумерологии есть много таинственного, казуистичного и замечательного.

Запомните: 37 – 73, 73 – 37.

Два соседних натуральных числа, которые ни на что, кроме себя, не делятся.

Мои домашние животные

Как-то мало касались мы этой темы. У нас у всех были домашние животные, на мою жизнь и формирование тоже животные оказали существенное влияние. Много с этим связано эмоций, восприятия и сделано фотографий.

Наверное, самый большой след – это кошка Муся, беспородная, ни сибирская, ни какая, просто трехцветная, полосатая, серая кошка, что называется, из таких – из простецких, с которой мы жили со второго класса и до окончания института. После этого еще года три, я от родителей съехал, и она жила уже как бы сама в доме.

Очень была своеобразная дама, сложившаяся «старая дева», с очень скверным характером, но меня признавала, любила и рьяно охраняла. Спали мы на диване, она всегда ложилась рядом поперек, чтобы никто не мог ни подсесть, ни подойти; и свою территорию от меня тоже охраняла очень рьяно, то есть стоило ночью попытаться подвинуться – следовала оплеуха лапой, правда, без когтей, но достаточно строго: «Знай свое место».

Потом, когда я женился, естественно, возникла конкуренция между женой и Мусей. Муся нещадно драла жену, ловя ее утром в коридоре по походу на кухню, из засад, по-всякому, то есть это была такая женская война не на жизнь, а на смерть. А потом (она уже была «девушка» пожилая, когда я переехал и стал жить самостоятельно) у нее развился рак молочной железы – кто его знает, то ли от возраста, то ли от стресса, и в достаточно преклонном возрасте она ушла из

жизни, но оставила, конечно, след существования такого независимого, самостоятельного и весьма требовательного. Должен сказать, что в жизни это пригодилось.

Второе животное – это пес, который жил у моей дочери Дарьи, по имени Кузя, китайский хохлатый, такой продукт цивилизации, продукт селекции, совершенно в дикой природе не жизнеспособный, такое голое, голенастое создание. Но поскольку он жил в квартире, в доме с двумя девочками, и он был мальчик и я тоже был мальчик, то он ко мне испытывал самые теплые чувства.

Он был голенастым сборищем самых разных проблем, которые только могли быть, – и детские болезни, и мелкие травмы. Была и очень тяжелая травма – это вообще была фантазмагорическая ситуация, когда во время отдыха на него кинулась как пушечное ядро, как бестия – кошка, у которой вроде бы, по рассказам соседей, некоторое время назад собака убила выводок котят. Вцепилась в правую переднюю ногу, в бедро, оставила громадные раны, и на фоне этих ран у Кузи развилась газовая гангрена. Спасибо нашим ветеринарам, пришлось проводить несколько операций по лечению газовой гангрены, нам с Дарьей – вспомнить все свои навыки, знания из хирургии. Потом дело кончилось кожной пластикой. В общем, Кузеньке досталось.

И когда я приходил в гости, Кузя кидался ко мне сломя голову, это была такая летящая торпеда, и начинал жаловаться, чем девочки его обидели, как они его не понимают. Вот

такое жизнерадостное существо. К сожалению, жизнь его завершилась тоже достаточно рано – Кузя умудрился во дворе попасть под машину, нажать перелом костей таза, расстройство тазовых органов, с восходящими инфекциями, и на этой грустной ноте из жизни он ушел. Но никогда не забуду ту радость, с какой этот мальчик встречал меня и излагал все события своей жизни.

Домашние животные вносят большой вклад, большой след в наши жизни. Спасибо, что они были. Но, заводя домашнее животное, нужно всегда думать, как говорил Экзюпери: «Мы ответственны за тех, кого мы приручаем, это отнюдь не игрушки».

364

364 – это не просто число, это количество зернышек в гранате и количество глав в Торе.

Заветы КГБ

Есть у меня друг, товарищ, один из легендарных ветеранов Челябинского управления Федеральной службы безопасности, а вообще-то – КГБ, от которого я услышал, и остались в памяти, несколько чекистских заветов.

«КГБ ничего не забывает – ни хорошего, ни плохого».

«КГБ строим не ходит и честь не отдает».

«Главная ценность – это записная книжка».

Всё.

Эти принципы, эти заветы многое объясняют и не нуждаются в комментариях.

Однокашники

Оказывается, в городе Санкт-Петербург до революции в одной гимназии учились молодые люди по фамилии Ахматова, Молотов и Риббентроп. Причем Молотов и Риббентроп, юноши, очень увлекались юной Анной Ахматовой, но это было все в молодости. Потом судьбы их развели.

Молотов и Риббентроп встречались по работе, о существовании и творчестве Ахматовой они наверняка знали, но многие корни, наверно, в характере и работе произрастали из этой петербургской гимназии и старого школьного знакомства.

ФЭД

Все мы знаем Феликса Эдмундовича Дзержинского как Железного Феликса, но одна из легенд трактует такую вещь: что этот псевдоним появился не из-за сильного характера первого председателя ВЧК, а из ситуации где-то трагичной, где-то комичной. Когда совершалось покушение на Дзержинского, и эсер, затесавшийся в ряды чекистов, в кабинет

бросил бомбу, гранату, Феликс Эдмундович спасся только тем, что успел заскочить внутрь большого сейфа, который был у него в кабинете. Отсюда и пошло название «Железный Феликс».

Не ручаюсь за правдивость этой истории, но она мне кажется достаточно интересной и несколько достоинство этого великого человека не умаляет.

Современный Жюль Верн

Я неоднократно обращался к проблеме научной фантастики и мирописания. Не могу не остановиться на этой теме, которая меня очень волнует, еще раз.

Давайте вспомним наше детство, подростковый период, когда мы зачитывались книгами Жюль Верна, Фенимора Купера и еще целого ряда талантливых писателей и ученых. Что интересно: везде присутствовала оптимистичная вера в разум человека, в прогресс, в цельность и самоцельность науки. Светлейшим образом является Сайрус Смит, инженер. Мне кажется, что выше и глубже никто не писал образ инженера, преобразователя мира, который своими знаниями, талантами делает из ничего цивилизованное общество.

И что мы видим в фантастических книгах сейчас? Это не развитие человечества, не восхождение, а утилитарное абстрактное использование научных достижений – какие-то краулеры, черные дыры, и, в общем, для решения очень ути-

литературных, не интересных по сути проблем.

В этом плане совершенно ярко выглядит книга и фильм «Марсианин», где, абсолютно понятно, на сегодняшнем технологическом уровне показана героическая борьба за выживание космонавта. Все понятно, современно, никаких чудес, и эта книга является стимулом для нас для всех и для молодежи к познанию, к стремлению в Космос, на тот же самый Марс, к открытию новых горизонтов, и показывает, что на современном уровне технологий можно очень многого достичь без выдуманных чудес, но нужно быть грамотным, умным, сильным и постоянно учиться. Очень советую прочитать эту книжку или, как минимум, посмотреть фильм.

Кстати, у этого писателя вышла еще одна свежая книга – уже про функционирование лунного города. Надо будет обязательно прочитать. Судя по тому, что пишут о ней, она основана тоже на реальном описании, реальных технологиях сегодняшнего дня, которые завтра могут быть реализованы.

Очень было бы здорово, если бы этот мостик от Жюль Верна к современности был переброшен через пропасть провала 1990-х годов.

Академические истории

Российская академия наук. Достаточно много есть легенд, историй, под которыми, я думаю, что лежат некие правдивые истории. Очень интересна история дискуссии Блохина

Николая Николаевича и академика Лысенко, тоже очень известного человека, внесшего большой, часто неоднозначный вклад, но гигантский в развитие отечественной науки.

Так, когда Лысенко доказывал то, что под воздействием внешней среды может меняться генетика, это известные вещи с пшеницей, яровизацией, он говорил, что если собакам регулярно обрубать хвосты, то в каком-то поколении появятся собаки бесхвостые. На что тут же блестяще возразил академик Блохин, вскочил с места и сказал: «Извините, сколько тысяч лет с сотворения человека девушек дефлорируют, а они до сих пор рождаются девственницами». Этот аргумент не был побит никем.

Если вернуться, так сказать, к проблеме академика Лысенко, очень неоднозначной фигуры, хочется обратить внимание на такие моменты, что при всей одиозности персонажа ген все-таки оказался делим, и за это ученые уже нашей эпохи получили Нобелевские премии. И тут он выиграл у органистов-вейсманистов. И нельзя забыть факт, который тщательно пытаются забыть, что именно его инициатива по введению соответствующих существенных надбавок за ученые степени в начале 1930-х годов создала материальную предпосылку для феномена рождения новой советской научной школы, и откуда, собственно говоря, выросли и плеяды Королёвых, Туполевых и целой колоссальной научной школы, которые сделали Советский Союз одной из величайших научно-технических держав.

Давайте будем помнить о великих людях и воспринимать их во всей многогранности, какими они были, а не в виде лубочных изображений. И хочется еще отметить, что любимый, известный многим великий фантаст Александр Беляев, по сути, был очень талантливым и активным пропагандистом Лысенко, он был лысенковец. Ведь «Звезда КЭЦ» – это ничто иное, как гимн учению Лысенко. Вспомните, как под воздействием космических лучей на орбитальной станции в течение короткого времени изменялись свойства живых организмов – растений, животных, в том числе и людей.

Мир многогранен, будем об этом помнить.

«В темноте»

Есть в Москве ресторан с этим названием, куда меня некоторое время назад пригласили молодые коллеги. Очень интересное заведение, но не с точки зрения гастрономии – еда там, в общем, неинтересная и, в принципе, банальная и никакая – ни по разнообразию, ни по качеству изготовления. Фишка совершенно в другом.

После прихода туда тебя сначала выдерживают некоторое время в таком полумраке холла, потом отбирают все светящиеся предметы или предметы, которые могут испускать свет, как-то: часы, калькуляторы, естественно, телефоны. И заводят в зал ресторана, расположенный в подвале без единого окошка, отделенный от остальной части тремя слоями

толстого войлока или сукна, и проводят тебя и дальше обслуживают официанты слепые от рождения. Ты оказываешься в полном смысле в абсолютной темноте, где ни одного кванта, ни одного фотона света нет в принципе.

Тут же теряется ощущение пространства – неясно, большой зал, маленький зал, то есть ты заходишь туда, держась за плечо официанта, за твое плечо держится кто-то из твоих друзей и так далее, цепочкой до 6 человек. Ты усаживаешься за стол, ты чувствуешь соседа справа, слева, ты слышишь, что впереди тебя кто-то в этом зале напротив тебя за столом сидит, есть еще люди, но далеко ли, близко ли они, это уже не воспринимается.

Перед этим предварительно ты выбираешь меню, то, что будешь заказывать, это либо вегетарианское, либо рыбное, либо мясное, либо смешанное по цвету, без детализации. И начинается ощущение, когда приносят салат, и ты понимаешь, что ты не совсем, мягко говоря, понимаешь, что же тебе принесли и что же ты ешь. То есть ты понимаешь, что это трава, овощи, но какие – определить очень сложно. Ты понимаешь, что тебе принесли какую-то рыбу, но какую рыбу – ты понять не можешь. И так далее.

Надо сказать, что звук вилок вскоре приостанавливается, люди начинают, поскольку ничего ж не видно ведь, пальцами накладывать еду, вилки – потом это уходит. Благо, салфеток достаточно. И абсолютно ошарашенные, уставшие выходим на улицу. Но при этом разговорились с девочкой, которая

была нашим официантом. На вопрос «Как же вот так?» она говорит «Ну а как? Я 24 года так живу. Привычно». Официанты в этой полной темноте (для них это привычная обстановка жизненная, это ужасно) ориентируются как рыба в воде, они чувствуют зал, они чувствуют пространство, они подносят блюда, ты же – полностью парализован.

На выходе показывают картинки, фотографии тех блюд, которые тебе приносили – все банально, все знакомо. И приходит понимание, что, вообще, зрение, наверно, это не 40, не 50, не 60 процентов информации, а значительно больше. И когда это важное чувство, важный орган чувств выходит из потребления, то информационная картина мира становится не просто ущербной, она становится абсолютно другой и абсолютно неполноценной.

Мне кажется, это очень важное заведение. Только так можно почувствовать полноценность, счастье, оттого что у тебя есть зрение, и вообще почувствовать радость бытия. Будучи в Москве, надо потратить время, потратить вечер и обязательно сходить.

Очень поучительное место, очень поучительное заведение.

Как они это понимают?

Среди летних забот и проблем на даче периодически появляется такая: заводятся муравьи, которые, естественно,

мешают жить, выращивать овощи, и мы занимаемся бытовыми вещами – выведением муравьев. Я когда-то был занят этим не самым благостным делом, купил в магазине соответствующие препараты, выдавил их на муравейник. Активные жизнерадостные муравьи кинулись на эту сладость. На следующий день муравейник был мертв, пуст, не бегали эти насекомые, но хозяйственная задача была, увы, выполнена.

А что же об этом думали или чувствовали муравьи? Это же все равно не биороботы, что бы ни говорили. Что это для них? Таинственная болезнь, чума, божий гнев, гибель цивилизации? Мы почему-то об этом не задумываемся, но ведь и мы можем оказаться в таком же положении, когда помешаем кому-то жить. Это не только об инопланетянах, а о наших соседях по планете, о наших соседях по проживанию в соседних странах, государствах, тем более нечто подобное в конце 1930-х – 1940-х годах в истории человечества уже было.

Темная материя

Наверное, многие слышали этот термин, но не все читали, не все знают, о чем идет речь. Оказывается, видимая часть материального мира составляет всего, вдумайтесь, около 4% от всей массы Вселенной, все остальное – это таинственная темная материя, темная энергия, которая существует, но которую мы не ощущаем. То есть львиная доля окружающего мира оказывается недоступна для наших самых техниче-

ски развитых средств исследования и живет по совершенно непонятным для нас законам.

Представьте себе, наша видимая Вселенная, которую мы считаем бесконечной или, по крайней мере, труднопредставимо громадной по расстояниям, объемам и массе – это всего около 4% от всей реальной Вселенной. И этот факт абсолютно убедительно и точно подтвержден. И мы должны в своем представлении о мире, миропостроении представлять себе место мира, в котором живем, и где-то свое место тоже, а ту мысль о том, что человек – венец творения, наверное, нужно оставить.

То есть вполне представима ситуация, что наша Вселенная – это некая горошина внутри воздушного шарика, которым играют троечники на школьной перемене. Мы чувствуем толчки, чувствуем какие-то звуки, но ни видеть, ни понимать того, что происходит, мы не можем.

Так что вот что такое темная материя. И неизвестно, удастся ли нам познать хотя бы близко, что это такое, и хотя бы близко представить тот Мир во всем его величии и многообразии, ту Вселенную, которая когда-то кем-то, а может быть, и для чего-то сотворена. Вот так.

Герои ранних Стругацких

Одни из любимых моих писателей – это Стругацкие, причем в ранней фазе, когда писались книги «Путь на Амаль-

тею», «Планета бурь», из этой светлой серии. Это было светло, это было оптимистично. Там были молодые, классные, образованные герои. Наверно, их можно назвать сейчас шестидесятниками, но не в плане диссидентства, а в плане веры в научно-технический прогресс, образованности. Тот же самый «Понедельник начинается в субботу», НИИЧАВО.

Это не поздние Стругацкие (например, «Жук в муравейнике») – достаточно мрачные вещи разочаровавшихся в жизни людей. А та фантастика – будила фантазию, будила интерес к жизни, желание что-то сделать, чего-то достичь. И я, вообще, сторонник, любитель именно такого направления. И хотелось бы, конечно, видеть фильмы, спектакли, сделанные на эту тему. А тогда – нам всем хотелось быть очень похожими на этих героев и пережить что-то подобное.

Генерал Ватутин и хирург Шамов

Ватутина мы знаем все, практически все, кто интересуется историей. Это герой Великой Отечественной войны. А хирурга Шамова едва ли кто-то знает. Но история такова – нас учат этому всех в институте, что нужно грамотно, качественно писать историю болезни и грамотно и качественно оформлять медицинскую документацию. В этом не только залог успешного лечения пациента, но и, в известной степени, залог безопасности врача.

Так вот, когда генерал Ватутин был тяжело ранен и про-

ходил лечение в Москве (кстати, лежал он не в госпитале, большой генерал, а у себя на даче), лечение проходило очень тяжело, с осложнениями. Возникла угроза гангрены. И Верховный главнокомандующий, удивленный, возмущенный таким длительным отсутствием генерала на фронте и угрозой его жизни, усомнился в правильности лечения. И именно грамотно заполненная, аргументированная история болезни спасла хирурга Шамова, я думаю, от очень жестокого наказания и, в общем, сохранила его для лечения последующих пациентов. Но нужно помнить, что, к сожалению, буквально через несколько лет этот негативизм к медикам превратился в зарождение дела врачей. Я думаю, риск Шамова был достаточно высок.

Поэтому, уважаемые доктора, особенно молодые, внимательно пишите истории болезни, читайте, что вы пишете. Кто его знает – вдруг перед вами генерал, а дело будет рассматривать Верховный главнокомандующий.

Что такое лженаука?

Тема очень интересная, которая меня увлекает последние годы все больше и больше. Можно ответить академически, что это некий паразитический способ использования чужих знаний, чужого авторитета, в итоге все равно лежит корысть, либо денежная, либо идейная, использование чужого авторитета, чужого веса в обществе. Но мир меняется, меняется,

в том числе, и понятие лженауки. И зависит от того, кто дает эту оценку.

Смотрите, такие примеры, допустим. Вспомните, как в 1950-е годы кибернетика и генетика считались лженауками, прислужницами буржуазии, и чего эта стратегическая ошибка стоила нашей стране – отставания, которое мы до сих пор преодолеть не можем, по целому ряду важнейших и совершенно необходимых знаний. С другой стороны, тот же самый марксизм-ленинизм, который на уровне Маркса, на уровне, наверное, учения о революции был, безусловно, наукой, который позволял вскрывать очень серьезные и глубокие процессы экономического и политического развития и, более того, на определенном этапе – даже управлять политическим развитием. Но к тем же 1950-м, 1960-м, 1980 годам это выродилось в полную схоластику и иного названия, как лженаука, в общем-то, нести не могло. И мы все, кому приходилось, так сказать, жить в обществе, играть в эти игры, делали вид, что мы это считаем наукой.

Наверное, так же можно переоценить роль астрологии, которая, скажем, на заре современной цивилизации, в период первичного накопления знаний была, наверное, наукой – собирались факты, сопоставлялись данные об орбитах планет, о цикличности движения планет, созвездий на небе, это перекладывалось на различные прикладные задачи. Но сейчас это один из видов рекламы, один из видов зарабатывания денег.

Я думаю, что в такой краткой заметке понятие лженауки раскрыть невозможно, да я и не пытался, собственно говоря, но подумать о многогранности этой проблемы и аккуратности работы с подобными терминами, наверное, можно.

Я думаю, что к теме лженауки и лжезнаний мы еще вернемся.

Наши национальные черты

Увлекаясь историей, прочитывая достаточно много литературы на эту тему, невольно приходишь к выводу, что наша российская, славянская цивилизация, наверное, чаще многих других меняла принципы, меняла кумиров, причем, как правило, это заканчивалось свержением, уничтожением кумиров вчерашних и триумфальным воцарением новых, которых так же успешно и бурно свергали.

Давайте вспомним сбрасывание при князе Владимире Перуна и других «ребят» из этой компании в Днепр, хотя до этого несколько веков успешно им поклонялись. Потом были многочисленные изменения веры как русскими князьями, так и наследниками Золотой Орды. Ну и события последних лет, когда мы видели, как правомерные ортодоксальные коммунисты и один из главных из них из города Екатеринбург в течение короткого времени становились ярыми, убежденными до мозга костей демократами. Когда один видный экономист из Санкт-Петербурга очень быстро стал отъявленным

рыночником, с чем и вошел в историю.

Кто его знает, может, это не беспринципность и не недостаточная культура, а просто национальная черта. Но на это, наверное, можно многое списать. Но давайте подумаем, так ли это на самом деле.

Люди, который меня интересуют

Есть исторические персонажи, которые мне кажутся очень интересными, даже феноминальными личностями. Хочется узнавать о них все больше, глубже, пытаться понять

Это

Иисус Христос

Фидель Кастро

Лаврентий Берия

Ким Филби

Николай Тесла

Жюль Верн

Иван 1У – Грозный

Хроника жизни

Безусловно, эта часть книжки навеяна великолепными историческими хрониками Николая Сванидзе и юмористическими, глубокими выпусками «Намедни» Леонида Парфенова . И, конечно, этот раздел не может конкурировать

по глубине, по широте охвата со специальными профессиональными историческими исследованиями, но я думаю, что может быть интересен читателю как хронология воспоминаний, представлений, восприятия окружающих событий, ну и в зависимости от возраста и ситуации.

1957 год. Я еще не родился, но я уже есть

В этот год произошел ряд событий, которые в последующем оказали существенное влияние на мою судьбу, на мои интересы, поэтому мне бы хотелось начать именно с них.

29 сентября 1957 года произошла авария на химкомбинате «Маяк», и как раз в это время мои родители были в гостях у моих прадедов и были свидетелями начала эвакуационных работ на территории, эвакуации населения, уничтожения зараженных товаров на рынке. В последующем, как вы знаете, тема «Маяка», тема ядерной медицины, тема последствий аварии на «Маяке» заняла существенное место в моей профессиональной деятельности.

А 4 октября, буквально через несколько дней после этого события, в Советском Союзе был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника, который также вызвал колоссальный, неподдельный интерес к космической тематике, к сожалению, не реализованный в практической работе на протяжении всей жизни.

1960 год

Первые внятные воспоминания относятся именно к этому году. Пожалуй, даже одно воспоминание – это полет Германа Степановича Титова в Космос. Наверное, потому, что столь эмоциональные радиопередачи и обсуждения взрослых не могли пройти мимо внимания ребенка. Я очень хорошо, правда, отрывочно, это помню – это было лето, это были какие-то картинки из садовой жизни, но самое главное – громкоговоритель на кухне, работающий на большую мощность и сообщающий о том, что советский человек в Космосе.

1961 год

Воспоминанием, которое я вынес из этого года, явилась поездка в город Юрюзань, родители тогда там работали после института некоторое время врачами. В памяти остался дом, громадная площадь, за которой располагался один из больничных корпусов юрюзанской больницы, около забора – злобная коза, которая прямо из рук у меня съела слойку – была такая булочка, посыпанная сахарной пудрой, страшно вкусная. За какие-то заслуги или, может, просто из родительской любви слойка была куплена мне, я на короткое время каким-то образом оказался на улице, коза подошла и прямо из рук съела у меня это лакомство. Я очень горько плакал,

такая была обида, но я, городской мальчик, на это страшное животное ни замахнуться, ни прикрикнуть, ни убежать даже от него – не мог.

Очень запомнилась громадная река Юрюзань, мост через нее, буфет на ЮГРЭС. Маленькая элестростанция, Юрюзанская ГРЭС, и буфет, где столики были застелены белыми крахмальными скатертями (сейчас такое представить себе невозможно), где продавалась удивительная, вкусная, потрясающая газированная вода, которую я и буфетчица называли почему-то «шампанское», а я имел такое название – балясник, это что-то на таком уральском наречии, значит – болтун, балабол, но, наверное, в этом большая доля истины есть. Это «шампанское» имело ярко-красный цвет и к моему большому огорчению и смеху буфетчицы – оставляло на скатерти такие же ярко-красные цвета.

Надо сказать, что, когда я в 1979 году оказался в Юрюзани на врачебной практике, как это бывает, все оказалось совсем не так: площадь между жилых домов для медиков и роддомом совсем маленькая, с лужей посередине; от забора не осталось следа; речка Юрюзань в этом месте не гигантская, мостик маленький и узкий, а буфет рядом с ЮГРЭС ну уж очень затрапезный и крохотный, и там действительно два столика, но, увы, это не тот «дворец» с белыми скатертями и ужасно вкусным красным «шампанским», которые остались у меня в памяти.

1962 год

Как это ни странно, но в памяти маленького мальчика 1962 год отпечтался как год XXII съезда КПСС, уж очень много было телепередач, тогда уже появился телевизор. Я не помню точно дату, но родители вернулись из Юрюзани и привезли трехколесный велосипед для меня, изумительно красивый, ярко-красного цвета, с белыми шинами. А вскоре мы с папой съездили в «Детский мир», который был расположен в районе нынешних 14-этажных домов на проспекте Ленина, напротив нового универсама, и купили светло-шоколадного цвета педальную машину.

Но, надо сказать, это такие были редкости и такие необычности, что попользоваться ими во дворе в полную радость мне не удалось. Когда мы выходили во двор, это вызывало жуткий ажиотаж среди дворовых пацанов, а во дворе тогда жило много ребят из семей, которые только переехали из барачных и, естественно, достатком не обладали. И сильно было проблемно. Поэтому в основном моя «автопрактика» 1962 года сводилась к езде по коридору в квартире – благо, коридор это позволял и разворачиваться можно было на кухню.

И все это, как понимаете, на фоне XXII съезда и «зажигательных» речей Никиты Сергеевича Хрущева. То есть это не сказки, не фантазии, я действительно помню его заявления про Кузькину мать и все прочее. Папа слушал это по радиоприемнику «Харьков», был такой приемник, ламповый,

достаточно мощный и хороший, который позволял по нему принимать много чего, в том числе «Голос Америки» и «Би-би-си».

И в этом же году Карибского кризиса я не помню – единственное, что осталось в памяти, что мама во время кризиса была на учебе в Казани, и она рассказывала, что на какое-то время всех врачей, которые находились на обучении, переводили на казарменное положение.

Такой был для меня 1962 год.

Да, еще нужно, конечно, напомнить, что в этом же году приезжал Фидель Кастро, было много потрясающих, ярких репортажей по телевидению, по радио. Телевизор, естественно, привлекал внимание – это чудо, которое только появилось, он и сам по себе вызывал восторг, а тут еще такие яркие фигуры, яркие события, которые в течение месяца пребывания Фиделя Кастро в Союзе регулярно подавались населению.

Я думаю, что эта база восприятия до сих пор оставила интерес к личности Фиделя Кастро в историческом и в человеческом плане.

1963-1964 годы

Эти годы как-то не оставили особой памяти отдельно. В целом, было счастливое детство, прогулки во дворе вместе с друзьями, тогда наиболее близок был Леша Кобылка, кото-

рый жил в соседнем доме, Илья Ковачевич, друзья, которые остались у меня и по сей день. Это поездки с родителями и бабушкой в сад. Солнце, высокий бурьян в нашем дворе на Тимирязева, 4, 3 Интернационала, 130. Громадное количество стрекоз и бабочек (чего сейчас в городе и близко нет), то есть мы выходили на настоящие охоты и всегда уходили с большой добычей. Мир и экология, конечно, меняются.

Такие яркие пятна воспоминаний из моего очень счастливого, очень хорошего раннего детства.

Кстати, примерно в эти годы я, наверное, и научился самостоятельно читать, считать и узнавать время по часам. Если чтение и счет мне как-то дались легко, то с часами, я помню, мы с бабушкой достаточно хорошо помаялись. Особенно сложно было понять и выучить, что такое «без пятнадцати такой-то час» или «пятнадцать минут такого-то». Но, тем не менее, технология была освоена, и во времени, как видите, я с тех пор не путаюсь.

Очень хорошо помню Валентину Терешкову, Быковского (он мне нравился больше всех!!!), Николаева, Поповича

1965 год

Год очень бурный на события. Это год, когда я впервые оказался на море – сначала с бабушкой в Архипо-Осиповке, потом с родителями в Гудауте. Это первые морские, первые южные впечатления, купания. Кстати, в этом году я научил-

ся плавать. К этому же году относятся воспоминания о первом Дне Победы. Это первый год, когда в Советском Союзе начали отмечать День Победы, я очень хорошо это помню. Это нужно отнести, наверное, к заслугам Леонида Ильича Брежнева, который сам воевал, причем воевал, в отличие от Никиты Сергеевича Хрущева, не на уровне фронтового командования, а воевал в окопах на Малой земле. И сколько бы эти события потом ни пытались обсмеять, предать анафеме и девальвировать, война-то там была более чем серьезная, и голову сложить можно было запросто.

Я помню открытие монумента танку на Комсомольской площади, этот постамент, сваливающийся брезент, этот красавец танк, ИС-3, и как передавалось полное название – Иосиф Сталин – по понятным причинам, если не полушепотом, то негромко. И поразили меня (а были мы там с дедом и папой) мужики, они казались очень взрослыми, пожилыми, а на самом деле им было по 40, по 50 лет, бывшие танкисты. И эти белые, белоснежные нейлоновые рубашки, которые входили в моду, и на их фоне – обожженные руки, кисти, грудь, шея. С одной стороны, было очень страшно, а с другой стороны, это вызывало большое уважение.

Также я помню разговоры взрослых о переименовании Сталинграда в Волгоград и до сих пор сомневаюсь в правильности этого действия. Есть Сталинградская битва и есть площадь Сталинграда в Париже, а у нас нет такого города. Достаточно смешно. Сталинградская битва проходила на

территории города Волгограда.

Тогда же появился первый советский юбилейный рубль – такая монета с изображением солдата Трептов-парке с мечом и с девочкой на руках. Их было много, я думаю, и сейчас где-то в коллекциях сохранились.

Я уже говорил, в этом же году была поездка на юг, я был свидетелем разговоров старших в компании Станислава Андреевича Раевского, его друзей из аппарата Совета министров и крупных провинциальных руководителей. Упоминалось о снятии Хрущева, о некоем пленуме, я чувствовал, что в стране что-то произошло и произошло очень важное. И на самом деле так было.

И надо сказать, что тогда, с приходом Брежнева, конечно, никто не знал, какая эпоха нас ждет, но, что удивительно, люди из его когорты, которые реально воевали, говорили не о Победе, они говорили почти практически до конца жизни: «Война закончилась» – это для них было главное, не только то, что мы разбили фашистскую Германию, а то, что кончилась война, перестали погибать люди, перестали погибать товарищи. Сейчас, к сожалению, эта доминанта заменена – из телевидения слышно людей, которые вообще никакого касательства ни к Победе, ни к армии не имеют, скорее даже наоборот – кликушествуют о Победе: «Мы победили». Да ничего мы не победили – наше поколение, скорее, потеряло результаты той Победы. А они радовались тому, что кончилась война.

И самое главное впечатление и событие 1965 года – я пошел в школу. Это была 11-я школа, никакая не гимназия, не лицей. Школа расположена была рядом с моим домом, где мы жили, буквально через один дом, это было очень удобно. Это была добротная, хорошая школа, которая располагалась в специализированном здании – здании, кстати, с очень интересной историей. Сначала была построена до войны как школа, потом был госпиталь, потом в послевоенные годы там располагался Челябинский политический институт, нынешний ЮУрГУ, а рядом было несколько барачков, где располагались макеты какой-то техники, и мы мальчишками лазили и смотрели в щелки что-то похожее на паровоз, что-то похожее на тракторы или танки, какие-то машины, было страшно интересно.

Надо сказать, что мне очень повезло со школой – это была добротная советская школа. Первая учительница, Зинаида Васильевна Калинина, по сути, простая русская женщина, образованная без изысков, но очень любящая детей и знающая детскую душу. Она многому меня научила. И первые школьные впечатления (я же в садик не ходил, я бабушкин внук) – для меня это тоже было большим событием, так сказать, стрессом. Там я познакомился с Лешей Фокиным, с которым дружба, искренняя дружба, связывала меня в школьные годы, потом с некими шероховатостями – до зрелого возраста, но, к сожалению, люди меняются, деформация личности происходит, и закончилось все достаточно

грустно. Но там было очень хорошо.

И появилось несколько одноклассников, разных ребят. В частности, вспоминаются разные истории (понятно, что в памяти остаются какие-то конфликтные, острые вещи). Так, например, такая история. Был у нас Костя Осипов, лилипут, который жил в деревянных домах, там, где сейчас расположен «Гипромет». Во время строительства новых зданий скалы взрывали динамитом, у Кости Осипова в доме треснула печка, и мы всем классом ходили смотреть, почему-то казалось это очень интересным – печка с трещиной на стене, в общем, но, видите, я помню до сих пор.

Костя, видимо, вследствие необычности своего вида, был мальчик очень конфликтный, где-то злобный. И однажды он поссорился со своей соседкой, с Нинкой Лопатиной, и воткнул ей в ногу перо от перьевой ручки, испачканное чернилами, и вроде бы была даже капля крови и был след. Второй инцидент, тоже из таких хулиганских, это Петя Елисеев, который, опять же, поссорился со своей соседкой. А нас пытались рассаживать мальчик-девочка, мальчик-девочка, только я сидел вместе с Лешей Фокиным, но нас тоже потом рассадил из-за болтовни, но это случилось не сразу, все-таки мы, мальчики домашние, были весьма дисциплинированные.

Так вот, Петя Елисеев, обидевшись, на перемене обошел ряд, подошел к портфелю, расстегнул его и, пардон, написал туда все, что у него было. На взгляд современных детей,

когда я одной из современных первоклассниц рассказывал, она спрашивала: «А что кому было?» Я говорю: «Первого выгнали из класса, вызвали родителей, второго выгнали из класса, вызвали родителей». Она говорит: «Да, несправедливо – разные проступки, а наказание одно. Ну, написал в портфель – вылила, просушила, а тут ведь в ногу воткнул и след остался».

Вот такой насыщенный 1965 год был у мальчика Андруши Важенина.

В этом богатом на события 1965 году произошло еще два интереснейших события. 14 апреля родился мой брат Алексей, которого я искренне полюбил где-то уже после семилетнего возраста. В младшем возрасте это маленькое создание меня страшно раздражало, я ревновал, был даже определенный комплекс, что он маленький, все внимание, которое отдавалось мне, передалось ему. Но потом (наверно, это естественный процесс) все это сгладилось и вылилось уже во взрослую дружбу и уважение, которое, к сожалению, волею судеб продлилось не очень долго – в 30 лет мы его потеряли.

Так вот, родился Алексей 14 апреля, а 18 марта (опять 18 марта!) состоялся полет Алексея Архиповича Леонова и космонавта Беляева в космос и выход Леонова в открытый Космос. Это я уже помню очень хорошо, с телепередачами, и я примерно соображал, что речь идет о крупном техническом достижении. Опять же – это очень грамотно, празднич-

но подавалось, вызывало искреннюю радость и уважение к стране у окружающих без исключения, не могло быть вообще никакого скепсиса.

Я думаю, что если бы тогда рассказали о тех сложностях, которые сопровождали полет, в полном объеме, уважения бы прибавилось. А тогда было понятно, потому что было передано, что посадка проходила в ручном режиме, в нештатном; что приземлились в нерасчетной точке; что около двух суток спасательная экспедиция искала ребят. То есть не было такой лакировки действительности, как говорили позже.

Так вот, как связаны эти события? Я настолько был поражен этим событием, проникнут, что когда решался вопрос, как же назвать брата, родители хотели назвать его Сашей, но я, семилетний мальчишка, устроил такой бой, что назвать можно только Алексеем, иначе невозможно, и подходить не буду, и вообще – как это? – случилось событие, Алексей Леонов вышел в Космос, а мы назовем брата каким-то дурацким именем Саша. В итоге Алексей стал Алексеем.

Первое Черное море

Летом 1965 года я впервые оказался на Черном море со своей бабушкой, бабушкой Вале́й – Варварой Семеновной Волеговой, в девичестве Белоусовой, которая сама тоже первый раз попала на море. Это был поселок Архипо-Осиповка, недалеко от Новороссийска. И первые мои детские впечат-

ления от этой поездки.

Я был накануне похода в первый класс, и считалось хорошим тоном – ребенка оздоровить, вывезти на море. Я помню достаточно интересную, очень интересную дорогу на поезде: первый раз поезд дальнего следования, верхняя полка, багажная полка, остановки на станциях, интересная, какая-то непонятная еда, вареная кукуруза, потом приезд в Краснодар, поездка на машине через перевал к Архиповке, поездка мимо «Малой земли», знаменитый простреленный вагон. Тогда еще, конечно, никто не знал, что «Малая земля» станет неким фетишем в течение последующих лет, ведь смещение Никиты Сергеевича Хрущева произошло только в октябре 1964 года. Но об этом я расскажу чуть-чуть позже.

Приезд в Архипо-Осиповку, провал в сон, утро, бухта, туман и бесконечное море. Картину эту я никогда не забуду, это потрясающе сильное впечатление. Может быть, с тех пор любовь к морю зародилась и закрепилась в памяти.

Ехали мы в компании – с бабушкой ехала ее старинная подруга, наша соседка, Раевская Мария Кузьминична, или тетя Мария. Муж у нее был крупный руководитель челябинского оборонного комплекса. Он отдыхал в санатории Совмина, а мы отдыхали на частной квартире. То есть в те годы даже начальник такого масштаба не мог жену взять с собой в санаторий – он лечился за государственный счет, тетя Мария отдыхала за свой личный. И мы как бы вместе с ними за компанию. Но вместе с тем у нас был доступ в санаторий.

Мне очень запомнился Народный артист России Махмуд Эсамбаев (получилось так, что подружились), который был с нами в одной компании. Мы плавали на лодке, очень много смеялись, интересные были его рассказы. На лодке мы плавали, понятно, не в море, а в море впадала река с большим количеством заводей, и в санатории была лодочная станция. И в какой-то момент у меня упала панамка – Эсамбаев бросился в реку, выловил ее, было смешно, очень трогательно. Тогда я, конечно, не представлял, что за масштаб этого человека был, но понимал, что это личность, что такое Народный артист – я уже знал.

И тогда же взрослые – Станислав Андреевич Раевский, еще какие-то люди – сидели под зонтиками (понятно, что это были кулуарные беседы, но на мальчика никто не обращал внимания), пели пиво, вино, рассказывали про октябрьский пленум КПСС, о том, как было отложено начало, о том, как Никита, красный, выскочил с заявлением об уходе. Тогда, пожалуй, вместе с морем, удалось прикоснуться к отголоскам большой интересной политики. Море открыло мне многое.

Про историю Архипо-Осиповки я уже упомянул – поселок с героическим прошлым, где простой русский солдат, Архив Осипов, ценой своей жизни остановил наступление горцев и, собственно, закрепил российские позиции на этих, тогда диких, берегах. Спустя много-много лет я проезжал через Архипо-Осиповку, и тот крест, который стоит на ме-

сте гибели Архипа Осипова, тогда казался монументальным и большим, а сейчас смотрится как-то не очень солидно и крупно на фоне того, что понастроили вокруг. Ну, наверно, дачи нуворишей имеют на сегодня большее значение, чем самопожертвование какого-то солдата в середине XIX века во славу и во благо своей Родины.

К событиям этого года я бы отнес еще появление первых анекдотов про Василия Ивановича Чапаева, многие из которых живут до сих пор. Я помню. Но самое главное, что тот юмор, простой, хороший, был доступен уже возможностям восприятия семилетним ребенком. Хотя 7 лет, наверно, это уже не ребенок, и таковым я себя не воспринимал.

1966 год

Больших следов не оставил в памяти. Была поездка на море, в Гудауту, но это уже стало практически привычным. Отдыхали мы в доме отцовского друга, с которым они подружились в свое время при подготовке в Военно-медицинской академии в Ленинграде, никакого Санкт-Петербурга тогда еще не было. Папа привез оттуда большое количество альбомов – про Эрмитаж, про Русский музей. Это было страшно интересно.

Но, конечно, в Абхазии было еще интересней. Отдыхали мы в семье друзей. Глава семьи – Ерванд Хзарджан, ар-

мянин. Жена у него была Вартуш, грузинка, операционная сестра. Они имели большой двухэтажный дом, для Кавказа это было нормально, для Урала это была экзотика и, в общем, почти роскошь. Работали в хирургическом отделении поселка Дурипш, Ерванд заведовал отделением, Вартуш была операционной сестрой. Это километров 15-20 от Гудауты в горы.

Довелось там побывать. Совсем другой мир. Это не приморский городок, это большущие чайные, мандариновые плантации, это дома с винными погребами, фруктовые сады. Надо сказать, что и чаеводство, и цитрусовые появились (я уже об этом писал) благодаря деятельности Лаврентия Павловича Берии еще в 1930-е годы, когда он был руководителем Грузинской закавказской республики.

Вот в этом мире приходилось жить. Около дома был большой фруктовый сад, мне позволялось рвать любые фрукты, зеленые, спелые, не имеет значения. А почему позволялось очень многое – потому что у Ервандта с Вартуш было трое детей и все были девочки. Девчонки были старше меня существенно и ко мне интереса никакого не проявляли, но мальчик, появившийся в кавказском доме, где рождаются одни только девчонки, понятно, вызывал большой восторг.

Мы с Ервандтом по вечерам обсуждали тематику возможной поездки в Турцию и ликвидации турецкого султана, которому лучше было отрезать голову. Я тогда не понимал, за что ему отрезать голову, но понимал, что это делать надо. Раз

такой уважаемый человек, как Ервандт Аветисович, предлагает съездить и отрезать голову турецкому султану, то, наверно, это сделать надо. Потом на фоне интереса к истории прояснилось, чего это армяне так не любят турок, и вопрос об отрезании головы турецкому султану где-то потерял свою актуальность.

Еще моей обязанностью было каждый вечер спускаться в подвал, где у Ервандта был винный погреб. Он казался мне тогда гигантским, но, думаю, и сейчас показался бы небольшим. Пациенты, знакомые, друзья несли вино, коньяки (кстати, все были самодельные), и моя задача была выбрать тот сосуд, из которого взрослые вечером будут за ужином пить. Это могло быть вино, коньяк. Не знаю, что я там выбирал, но мои решения никогда не оспаривались и всегда исполнялись.

Добавка к «Архипо-Осиповке»

На пляже наши соседи и люди из компании почему-то считали меня внуком артиста Леонова. Бабушка почти до конца жизни жалела, что развеяла этот миф. Но, в общем, мне тоже несколько не обидно, но, видимо, правда, был похож.

Желтый портфель

Из сильных детских воспоминаний. Мне было 8 лет, второй класс, Новый год, запах апельсинов, елка. Елка всегда в доме была, но у меня с детства было очень двойственное чувство к елкам: вот мы ее приносим, украшаем, проходят новогодние праздники, новогодние каникулы, мы выбрасываем ее на помойку, и не только мы, а многие; помойка завалена этими зелеными деревьями, умершими ради нескольких часов забавы для людей. Но сейчас это приобретает еще более жуткие формы, эти картины – утро 1 января в городе у меня просто вызывает душевную боль, когда видишь эти елочные базары, на которых до 12 ночи торжествовал рубль, было загублено столько деревьев, это при нашей-то экологической ситуации, и в 5 минут первого они все бросаются и превращаются просто в мусор.

В этом плане спасибо Даллакяну, нашему великому ветеринару, любителю животных, который, по-моему, в прошлом году организовал сбор елок для животных зоопарка. Ну, хоть как. В конце концов, это тоже.

Так вот, об особенностях детской психики. Мне тогда родители подарили (кстати, очень красивый, качественный) желтый портфель, кожаный портфель, который мне почему-то очень не понравился. И он лежал среди ненужных вещей долго. Потом я им начал пользоваться классе в восьмом. Кстати, тогда портфель стал уже любимым. Но, наверно, в тот год я родителей обидел, отнесшись с таким недовольством к подарку, который мне не пришелся к душе.

Коль я помню до сих пор – наверно, это оставило и внутренний урок. То есть надо быть деликатным, если даже кто-то из близких делает от души то, что тебе не совсем приемлемо и нравится, наверно, нужно быть мягче и деликатней. Сделал человек добро – скажи спасибо, не надо дуться, не надо показывать свое недовольство.

Наверно, такие детские внутренние уроки и формируют наш характер, наше мировоззрение. А портфель действительно был хорош, а я был во втором классе – дурак и невежа.

1967 год

Год пятидесятилетия Октябрьской революции и, без обмана, это действительно самое яркое воспоминание года. То есть массивная подготовка, наглядная агитация – везде на улицах плакаты, куча фильмов, куча информационных событий, само великолепное празднование. Я повторяюсь, может быть, уже, но я очень хорошо помню момент, когда мы смотрели парад на Красной площади, у меня была мечта, представление: «Вот бы заглянуть в будущее и увидеть парад, посвященный столетию Октябрьской революции в 2017 году. Тогда уж, наверно, развернутся».

Но, как видите, все получилось совсем не так, то есть вообще не так.

1968 год

Уже зрелый третьеклассник, уже почти взрослый человек, уже сам хожу и прихожу из школы. В этом году я начал пользоваться библиотекой молочного завода, которая была расположена напротив нашего дома и которая сыграла колоссальную роль в моем становлении и развитии, в развитии любви к книге. Этот кайф повозиться с книгами, идет, конечно, оттуда. И опять же, вы понимаете, сила пропаганды, внешнее воздействие.

Это 50-летие комсомола. Мы были тогда пионерами. В пионеры я вступил в 1967 году, один из первых, как отличник. Очень было торжественно и здорово. Принимали нас в пионеры в кинотеатре имени Пушкина, который, к счастью, сохранил свое название до сих пор, правда, из кинотеатра стал театром, но суть от этого не менялась.

Опять же вышло очень много интереснейших фильмов. И в это время у нас было такое ритуальное посещение школьного музея, и я оказался каким-то юбилейным посетителем, мне досталась книга Островского «Как закалялась сталь» в качестве приза, с такой интересной треугольной медалькой. Книга у родителей в библиотеке где-то до сих пор хранится, хотя с годами каноническое восприятие героя, конечно, менялось. Я помню, в Китае, беседуя с одной китайской барышней, гидом, которая нас сопровождала, которая весьма глубоко, как и многие китайцы, изучала российскую

действительность, она на вопрос: «Чем хунвейбин отличается от цзаофаня?» говорит «Понимаешь, не цзаофань, а цзофань пэ. Вот хунвейбин – это такой парень классный, энтузиаст, смелый, как Павка Корчагин. Он хороший, но жить с ним нельзя, семью строить невозможно». Это как-то упустилось в то время.

И еще событие 1968 года. Мы летом отдыхали на озере Горьком, точнее говоря, мы отдыхали, а папа там подрабатывал, лечил больную ногу. Это старый, заброшенный санаторий, еще довоенных времен, с постройкой тех времен, с большим количеством старых корпусов, с аллеями заросшими и неухоженными, но от этого как бы еще более интересными.

Во время отдыха случилось трагическое событие: погиб экипаж первой космической станции «Салют-1» – Добровольский, Волков, Пацаев. Но потом, спустя годы, мы узнали, что, вообще, это запасной экипаж, в основном экипаже был Алексей Архипович Леонов, которого тогда запросто мы могли лишиться.

И в 1968 же году состоялась посадка американцев на Луну. Я помню, как взрослые слушали «Голос Америки», слушали репортаж об этом событии и меня тоже не прогоняли. Конечно, дух захватывал. Было страшно, до слез, обидно, что это не мы. Мы понимали, что мы что-то делали, и где-то Советский Союз опоздал – и нас обогнали, но официальная пропаганда трактовала это несколько иначе: что мы и не хо-

тели, и не надо, и мы автоматами будем проводить исследования Луны. Но чувство досады было очень большое, хотя и чувство гордости вообще за человека, за то, что человек вышел на Луну, было потрясающее.

И, конечно, будет еще более обидно, если правдой окажется то, что сейчас пишут многие авторы, что это была фальсификация. Все-таки такая правда нужна, надо лететь на Луну, надо лететь на Марс, надо пройти этот путь, и он, несомненно, выведет нас и к духовным победам, и к техническим, и к технологическим тоже.

1969 год

Год очень сложный и важный. Я с отличием закончил 4 класса в 11-й школе, и, безусловно, по совету и при учете, никакой самостоятельности большой тут не было, я просто с восторгом принял такую возможность – я перешел в 31-ю, уже физико-математическую школу. Школа была создана в 1965 году, опять же напомним, это реформы, связанные с приходом команды Брежнева к власти, после, так сказать, самодурного и малограмотного Никиты Сергеевича; ставка на технократию, ставка на науку. Школа была создана по аналогии с новосибирским Академгородком с целью готовить толковых ребят для дальнейшего обучения в Челябинском политехническом институте и головных московских институтах, занимающихся атомной, аэрокосмической промышлен-

ностью.

Был блестящий подбор педагогов. Был реальный отбор ребят. И команда, которая собралась в нашем 5 «А» классе, была очень мощная. Я не помню сейчас сколько, но больше половины было отличников, остальных было меньшинство. Это были ребята с очень высоким, как сейчас принято говорить, рейтингом, или средним баллом, и нас очень грамотно привели к общему знаменателю. На уроке математики, буквально первый-второй урок, Нина Кузьминична, учитель математики, провела контрольную, и большая часть из нас вышла из этой контрольной, в лучшем случае, с «тройками». И нас очень хорошо ткнули: «Ребят, вы, конечно, отличники были по одной программе, но есть и другие, более сложные, программы, и в 31-й школе надо пахать».

И, по сути, под этим знаком началось обучение в школе, и оно продолжалось до 10-го класса. И я считаю, что я и мои одноклассники благодаря этой школе состоялись как специалисты, как люди. Понятно, что потом перестройка и последующий бардак в стране очень здорово подрубили эту ситуацию, многим испортили карьеру, но и многим, в частности и мне, эта закалка позволила выстоять, выстоять в последующей жизни, научиться бороться за знания, бороться за себя, бороться за место под солнцем.

Понятно, что появились новые друзья, новые учителя, новая схема обучения. 31-я школа была новенькая, с интересными фресками на стенах, там была кабинетная система, что

тоже было совершенно необычно для нас. Началась новая жизнь.

1970 год

Мы уже стали матерыми школьниками, укоренившимися в школе. К ярким впечатлениям следует отнести столетие Ленина, прорезавшийся глубокий формализм и казенность этого мероприятия, апофеозом которого был, наверно, ленинский зачет, заформализированный настолько, что ничего, кроме скуки и отторжения, эта процедура не вызывала.

Я помню, нам поручили заполнить какой-то план подготовки, сделать это на открыточке. Естественно, я и большинство ребят забыли это сделать. И за 5 минут до начала классного часа, посвященного отчету о ленинском зачете, нас вывели домой. Мы успели сбегать, что-то нарисовать, мы сами понимали, что абсолютно халтурное, здесь, на скамеечке около школы, и это было сдано, и, самое главное, к нашему удивлению, было воспринято.

Я думаю, что, увы, это было начало заката советской эпохи на почве формализма, глупости и бездарности людей, которые занимались тогда идеологической работой, хотя почвы для воспитания реального патриотизма было более чем достаточно.

Библиотека молочного завода

Очень светлую память и очень большой след в моем формировании как уже взрослого человека оставила, как это ни странно, библиотека молочного завода, к которому вообще я и мои родители никогда отношения не имели, кроме того, что это небольшое предприятие располагалось напротив нашего дома.

И как-то получилось так (наверное, это свидетельство социальной политики равнодушия руководства завода к литературе, к просвещению, к книгам), что прямо у входа в завод стоял старый деревянный домик, оставшийся от старинной, может, еще дореволюционной застройки, который целиком и полностью был отдан под библиотеку.

Библиотека была небольшая, даже по тамошним меркам, с достаточно провинциальными порядками. Библиотекарша Зоя Дмитриевна прекрасно знала меня, прекрасно знала моих родителей и без формальностей, без каталогов мне было позволено приходить и сколько угодно долго ходить между стеллажами, смотреть книжки, часть смотреть, читать прямо там, часть – брать домой.

А подборка книг была достаточно хорошая, добротная – там была вся российская, советская классика, был, естественно, Жюль Верн, был Беляев, была классическая фантастика 1960-х годов, было очень много литературы по географии, по путешествиям. И я очень благодарен, что такое учреждение встретилось в жизни, и я этой библиотекой пользо-

вался много лет – наверное, класса со второго и до 4–5-х курсов института.

Надо сказать, что во времена советские библиотека выписывала очень много периодической литературы. Я впервые там познакомился с толстыми журналами, регулярно смотрел журналы уровня «Химия и жизнь», «Знание – сила». Понятно, что и дома тоже выписывалось много журналов и литературы, но это было очень здорово.

И еще впечатление, связанное с библиотекой. Не так давно диспансером (есть такой обычай у нас – утренняя пятиминутка, где за 18 лет мы ни разу не повторились) у нас было посещение областной публичной библиотеки, с посещением архивов, зала старой литературы, старых книг. И я услышал очень интересное слово, которое, я думаю, обогатит лексикон, надеюсь, что и вам оставит след, по отношению к книгам – «бытование», «бытование книги». Эти следы, то, что всегда большинство людей раздражает, – капли воска от свеч, следы грязных рук, следы от какой-то еды – это называется бытованием книги. Это очень интересно.

По сути, наши биографии, наши судьбы, характеры, души тоже носят следы бытования, воздействия внешнего мира. Надо аккуратней, конечно, обращаться и с книгами, и друг с другом, чтобы следов бытования было поменьше.

1972 год

Был закончен 8-й класс в 31-й школе. И произошла достаточно жесткая рассортировка всех наших классов по тем, кто будет обучаться в спецклассах и кому придется уйти в обычный класс. Тогда с Алексеем Фокиным, тогдашним другом, о котором я упоминал, нас судьба развела. Может быть, это был некий момент для зарождения внутренних противоречий. Я остался в физико-математическом классе. Алексей вынужден был уйти в обычный класс – класс обычной подготовки.

Горские песни

Воспоминание из детства: много лет назад, я еще был школьником младших классов – наверно, класс третий-четвертый, с бабушкой, Варварой Семеновной Волеговой, которую я уже упоминал, которая вложила очень много в мое воспитание, практически базовые представления о человеческих ценностях, об истории нашей страны я получил именно от нее – в разговорах на отдыхе, на кухне по утрам, как-то так, в очень бытовой форме.

Были мы с ней на отдыхе летом в районе Анапы, была такая советская база отдыха, с домиками фанерными, с удобствами достаточно далеко, но не в этом дело. Были там очень интересные люди – и местные жители, и, так сказать, из каких-то совхозов на Кавказе. Они пели очень интересные гор-

ские песни. Из них часть была осетинов, дагестанцев, это нормально было для Советского Союза.

В частности, была песня такая: «Плачьте, красавицы, в горном ауле, правьте поминки по нас: вслед за последнею меткою пулей я покидаю Кавказ». И тогда для меня, в общем, достаточно начитанного мальчика из интеллигентной семьи, впервые произошло соприкосновение с историей, проблемой депортации, переселения кавказских народов и вообще с теми войнами, которые велись на Кавказе.

В одну канву с этим легла Архипо-Осиповка – это первое место на Черном море, где я был тоже с бабушкой. Сейчас как-то об этом не говорят, все забыто, задвинуто; понятно, что теперь есть олимпийские Сочи и всякие другие великие места. Но тогда, это был 1965 год, центральное место в приморском поселке занимал большой металлический крест, развалины крепости и память о русском солдате – Архипе Осипове, который во время штурма горцами русского укрепленного пункта, маленького форта (форт был захвачен), спустился, сбежал в пороховой погреб и взорвал себя вместе с противником.

И, в общем, я больше нигде об этом подвиге упоминания не слышал, а поступок-то очень мощный и сильный. И с тех пор в эти места горцы не заходили, и война была прекращена на этом участке, ценой гибели этого отважного, наверно молодого, парня. Во всяком случае, это был, конечно, не старик.

Вот таким образом.

1975 год

Год знаковый, насыщенный, почти такой же, как 1965 год. Это окончание школы, поступление в институт, переход уже в совсем взрослую жизнь. К тому же, все это проходило на фоне очень больших, эпохальных работ в Челябинске – это большущая, глобальная реконструкция проспекта Ленина, когда от Политехнического института и до заводууправления ЧТЗ дорога поэтапно расширялась, были заложены и построены подземные переходы, была срыта горка рядом с «Гипрометром» (кстати, был заложен сам «Гипрометр»).

К сожалению, было снесено старинное здание музыкального училища, где я с 1-го по 7-й класс пытался проходить музыкальную грамоту. Говорят, что у меня была хорошо поставлена рука, что был слух, но очень мне это дело не нравилось, и после 6-го класса музыкальной школы я поставил ультиматум, что я все-таки учусь в физико-математической школе, и ерундой заниматься мне не к лицу, так же как не к лицу тратить на эти глупости свое время. Но я думал, что я был прав, и это отношение у меня осталось и в будущем. И я, наверно, проявил характер, первый раз – с названием брата, во второй раз – здесь. Это было важно для самоосознания, для самовосприятия себя как личности.

Возвращаясь к реконструкции проспекта Ленина, город

как бы был разделен на две половины – по одну сторону, по другую, и переправиться было очень сложно. Надо сказать, удивительно очень, что работы по расширению, по снятию этих неровностей, больших холмов, которые были, проводили не трактора ЧТЗ, что было бы вполне ожидаемо, понятно, а «Катерпиллеры», которые настолько же резко отличались от наших машин, так же как, допустим, «Мерседес» той эпохи от 407-го «Москвича».

Но сейчас, наверно, это маловозможно – тогда и машин было меньше, и организация работ была великолепная; не было Кировки, которая перерезала все основные параллельные дороги с проспектом Ленина. Как-то неудобств никто не испытывал, очень быстро перебрасывались троллейбусные линии вместе с контактной сетью, и быстро и слаженно шли работы. И не было ворчания в народе, все понимали, что это назрело, это надо делать. И за одно лето город стал совершенно другим.

Все это проходило на фоне подготовки к выпуску. Тогда не было никакого ЕГЭ, было 12 полноценных экзаменов, часть устных, часть письменных. Основное, конечно, это сочинение. И я помню эти вечные легенды, истерики, народные обычаи, что нужно было звонить, искать каких-то знакомых во Владивостоке, в Хабаровске, узнавать темы института. Но для меня было абсолютно очевидно, поскольку 1975 год – это год 30-летия Победы и к этому шла очень мощная подготовка, выходили фильмы, вышла киноэпопея

«Освобождение», фактически каноническая трактовка Второй мировой войны, я ни тогда, ни в последующем не участвовал в этих истероидных действиях. Для меня было совершенно очевидно, что будет какая-то тема, одна из тем будет обязательно посвящена Великой Отечественной войне. Но, к удивлению, хотя тоже перекликалось, была тема, посвященная Петру I. Любимое произведение, любимый писатель – Алексей Толстой. Я с достаточной легкостью добротнo преодолел, и, что удивительно, примерно то же самое выпало на вступительном сочинении в институт.

Интересные были и устные экзамены, но напряжение очень высокое, и ставка, конечно, каждого экзамена была очень высокой. И практически сразу после выпускных – месяц на подготовку ко вступительным, там 4 экзамена, там ставка еще более высокая, и конкурс в Мединститут был всегда самым высоким в области, поэтому лето не оставило каких-то таких ощущений о лете, об отдыхе.

Единственное, был выезд с родителями на озеро Увильды. Как раз были засушливые годы, и в тот год Увильды сбросили в Аргази и сбросили в Шершнёвское водохранилище. Осталось это жуткое ощущение – на 100-150 метров обнаженного, голого берега, где под камнями можно было находить умерших, высохших раков, водоросли. Но было не до этого, нужно было сдавать вступительные экзамены.

От экзаменов впечатление было очень хорошее. Я, кстати, не уловил никакого намека на предвзятость, коррупцию,

еще что-то. Все было добротно и по-честному. Первый экзамен была физика, что для меня было очень хорошо. Сдавал я ее Валентину Ивановичу Блинову, заведующему кафедрой, с которым теплые отношения нас связывали до его ухода из жизни. Я помню, сдал задачу, устные вещи, он говорит: «Ну, гусь лапчатый, ты первый идешь, как-то не принято сразу ставить «пятерку», давай-ка еще задачу». Я еще решил и еще, он говорит: «Ну, придется, ставить «пять». Это был классный задел.

Потом было сочинение. Потом была биология, где я тоже достаточно уверенно получил 5 баллов. Последний был экзамен по химии, я сдавал, и преподаватель мне сказал: «Слушай, ты идешь на «пятерку», но ты и так железно проходишь, давай «пятерку» кому-нибудь другому поставим». Собственно говоря, спорить было нечего.

Поступление. Потом колхоз. Я до сих пор считаю, что это одно из самых гениальных изобретений советской эпохи по восстановлению студентов, бывших школьников, после этой плеяды, галереи экзаменов, лучшего метода прочистки мозгов я не знаю. Когда вывозят в большом количестве большей частью городских ребят из семей в малоприспособленные условия летнего пионерского лагеря, с плохим бытом, с плохой едой, с непривычной физической работой сбора картошки.

Но те, кто с нами был в колхозе, собственно говоря, остались друзьями, коллегами на всю жизнь. Те, кто в колхозе

не был, входили в студенческий коллектив с большими трудностями. Буквально через 5-7 дней мозги прочищаются, напряжение забывается, завязываются новые знакомства, вообще жизнь смотрится по-другому, и приезд домой воспринимается как большой праздник, радость, переход в цивилизованную жизнь. Начинаешь понимать, как это здорово, когда из крана течет горячая вода, когда на газовой плите жарится вкусная яичница, когда вечером можно сесть к телевизору. Это здорово.

Это всё – один год.

В этот же год произошли еще два события, которые, несмотря на загруженность, вызывали интерес, восторг, уважение. Во-первых, это полет «Союз-Аполлон», опять же – личность Алексея Архиповича Леонова, который был командиром советского экипажа. Видимо, это он получил в качестве компенсации за провал Лунной программы, где он должен был играть первую скрипку, а Гагарин, который должен был быть командиром экипажа, оставаться на орбитальном модуле, и Леонов на советском посадочном модуле должен был в одиночку прилуниться, выполнить программу, там собрать образцы грунта и так далее, и вернуться, пристыковаться к орбитальному модулю.

И это было очень важно и с политической точки зрения, и с мировоззренческой – мы впервые увидели, что американцы – это не какие-то заморские чудовища, а ребята, которые с удовольствием работают с нашими. То есть от того полета

остались очень приятные впечатления, и была надежда, что дальше будут идти по восходящей отношения и путь к сотрудничеству открыт. Но все оказалось сложнее.

В 1975 году в июне состоялось подписание Брежневым Хельсинского соглашения, которое закрепило юридически итоги Второй мировой войны. Сейчас об этом, к сожалению, не очень часто вспоминают, но я думаю, что это – одно из важнейших событий второй половины XX века, и для Брежнева, как для человека, реально прошедшего войну и фронт, было очень важно юридически закрепить нерушимость границ в Европе. Очень жаль и очень страшно, что сейчас это подвергается сомнениям, границы раскачиваются, но, наверное, всякое политическое решение имеет свой предел действия и свой предел прочности.

Таким был 1975 год, очень интересный, очень важный и яркий.

1976 год

Запомнился очень ярким событием – первое зарубежное путешествие, поездка в Болгарию по линии «Спутника». Вообще вся процедура была очень волнующей – начиная от прохождения комиссии в райкоме комсомола партии, оформления первого заграничного паспорта, который был абсолютно не похож на современный, выдавался только на дни поездки и потом изымался почему-то. Это печать в пас-

порте о прохождении погранконтроля. Кстати, вся поездка проходила поездом: мы ехали до Москвы, в Москве мы садились на поезд, который шел до Софии, но мы выходили в Велико-Тырнове; была остановка на несколько часов, по-моему, четыре или шесть, в совершенно незнакомом, загадочном Бухаресте, и вообще все было очень всерьез.

Прикосновение к болгарской культуре, легендарный памятник Алёше, общение на улице с болгарами, другая природа, другой климат, посещение театров, интенсивная культурная программа. Не обошлось без существенных курьезов, в частности, когда мы уже освоились, по-моему, дело было в Софии, откуда мы уезжали. Мы познакомились, просто познакомились на улице с болгарами, не было никаких подстав, компанией пошли домой, в частный дом, купили продуктов, девчонки лепили пельмени, болгары тоже что-то делали. Выпивка была за ними. Впервые удалось попробовать местного вина и ракии – такая самогонка достаточно крепкая и очень качественная, и мы большинство убедились, что вещь такая вкусная и коварная – голова чистая, говорится хорошо, а встать очень трудно.

И закончилось все тем, что нам в дорогу дали несколько бутылок ракии. Руководителем группы был Боря Девятьяров, секретарь комитета комсомола Мединститута, с которым потом нас связывала достаточно многолетняя дружба. И вот представляете себе – поезд отправляется, все хорошо, вечер, ужинаем, чем Бог послал. Естественно, извлека-

ется и ракия, подаренная болгарами. Утром мы приезжаем в Бухарест, стоянка что-то тоже часа четыре-шесть. Вышли, немножко погуляли, благо, что вокзал в самом центре города. Визы не было, но так, не очень строго было, можно было там ходить, смотреть. Не было леев румынских, но тогда нигде ни у кого денег не было, это было не обидно.

И вот представляете себе: поезд отправляется – двух барышень из Института физкультуры нет. Сначала думали, что вскочили в последний вагон. Борис нервничает, начинаем в купе шариться – оказывается, что паспорта заграничные свои они оставили под матрасом в купе, то есть вдвойне ситуация скандальная: две комсомолки, кандидаты в члены КПСС челябинские, остались в чужой стране без паспортов, безо всего.

Потом каким-то путем, видимо, по связи какой-то (мобильной связи не было), Борису передают, что такие девочки ваши задержаны на вокзале в Бухаресте в нетрезвом состоянии. С одной стороны, отлегло от сердца, что живы и здоровы, с другой стороны, это скандал.

Следующим утром мы прибыли в Москву, барышни появились. А поезд на Челябинск уходил, как и сейчас, как и в течение всей моей жизни, в 8 вечера, поезд «Южный Урал», в 20:00. Появляются достаточно грустные. Оказывается, действительно девчонки выпили, сели на скамеечку и задремали, а поезд тем временем ушел. Подошли полицейские, видимо, после ухода поезда, своеобразная проверка, выясни-

ли, отвезли в полицейский участок.

Потом приехал дядечка из советского посольства. Видимо, ситуация достаточно стандартная – без ругани, без проблем, отвез в посольство, в гостевую комнату. Видимо, не они первые, не они последние. Сказал: «Девчонки, давайте, тут чай, какие-то печенья, галеты». Утром посадили на следующий поезд.

Но для девчонок кончилось все достаточно грустно – пришли серьезные бумаги, их исключили из кандидатов в члены КПСС. Но это было тогда достаточно не здорово, а до перестройки было еще ой как далеко – еще 10 лет.

1977 год

С моей позиции внешних событий никаких особых не происходило. Но для меня год был очень важный. Это год работы в стройотряде. Довелось впервые побывать в такой структуре. И работали мы (это был подарок судьбы) недалеко от Сочи, под Хостой, строили фундаменты для теплиц, копали могилы на хостинском кладбище и начинались работы над теми туннелями, которые сейчас составляют основу транспорта олимпийской развязки.

Не было каких-то ярких событий. Была очень интенсивная учеба. Было занятие в кружке на кафедре анатомии. Была подготовка первых научных докладов. Попытки сорие-

тироваться в будущей профессии. Тогда мне казалось, что, наверное, врач лор-хирург – это то, что мое, то, что мне интересно. Жизнь потом показала, что это немножко не так. В 1977 году я получил предложение от Бориса Девятьярова поработать в факультетском бюро комсомола. Я был до этого комсоргом группы. И вступить кандидатом в члены КПСС. Ничуть не жалею об этом. Принимались и в институте, и потом, когда я работал в диспансере, люди достойные. Я не сталкивался с явным политиканством. Были, конечно, люди лучше, люди хуже. Но это был клуб достойных людей, скорее, таких розовых социал-демократических политических взглядов. И КПСС, мне кажется, в 70-е годы была уже нормально социал-демократической партией. И незачем потом было спустя 10 лет ее громить, все было готово к поступательному эволюционному движению. Никто не собрался делать мировую революцию. И все с интересом воспринимали международный опыт, альтернативные точки зрения. Но та школа, тот фильтр, который мы все проходили, конечно, был серьезен и полезен. Я считаю, что для меня это был абсолютно не лишний жизненный опыт, который очень пригодился потом в последующем.

1979 год

Этот год можно считать началом моей научной карьеры. Мои тезисы, мой доклад были приняты на II Всесоюзную

конференцию молодых специалистов-медиков. И я был приглашен в Одессу. Представляете себе, 1979 год, Одесса, конец апреля, уже начало весны, после прошедшего субботника чистота, благодать, куча новых знакомств, удовольствие, гордость оттого, что я стал участником этого мероприятия. Здорово! Очень интересно, что конференция проходила на базе биофака Одесского университета. А при биофаке был небольшой биологический музей, который, как я понимаю одесский юмор, был создан ради одного главного экспоната. Была куча засушенных рыб, раковин, а в центре в гигантской стеклянной бочке, даже не банке, стоял заспиртованный член кашалота. Все, конечно, ходили смотреть, мерялись с ним ростом, фотографировали.

Еще яркое впечатление «Аркадия» – знаменитый пляж, парк. Только разворачиваются лавочки. В Одессе тогда это было возможно. Для нас, уральцев, в диковину. И некий дядечка, глубокий пенсионер, расставляет полочки, на них расставляет глиняные копилочки – достаточно смешные такие зверюшки: там львы, медведи, свинушки, еще кто-то. Подходит группа женщин, явно приехавшая по путевке, наверное, с одного предприятия, откуда-то с южной полосы России или с Украины, начинает выпытывать: «Дядечка, да покажите вы мне этого левика или вот это ведмедика». Все установлено еще не очень здорово, солидно. Дядечка начинает ворочаться, двигаться. В итоге одна полка у него падает, несколько копилочек раскалывается. Он встает, размахивает руками и

кричит: «Тетечка, да суньте вы себе в опизду шетого левика, шетого ведмедика и перестаньте мне морочить голову!»»

Второе яркое событие этого года – это была поездка по линии «Спутника» в Югославию. Это фактически уже серьезная заграница и оформление соответствующее. Очень интересная поездка с познавательной точки зрения по маленьким городам еще большей Югославии. В основном это были Сербия, конечно, и Черногория. Нови-Сад, Белград, все вот эти знаменитые, известные отели, улицы Белграда, которые показывали потом в репортажах про американские бомбежки. «Калемегдан» – замок, река, музей вооружений. Впечатляюще! Закончилось еще более ярко. На Адриатическом побережье в Будве в районе Бечичи, молодежном центре, рядом Сан Стефан, никто не предполагал, что потом, спустя 30 лет, неоднократно сюда придется вернуться в совершенно другом качестве, снова пройти по тем же местам. Должен сказать, что эти места, Черногория всегда вызывали интерес, не были чужими. Поскольку я уже упоминал, мой друг детства Илья Ковачевич или Ковачевич, как там говорят, у него отец был черногорец, офицер Советской армии, полковник, человек со страшно интересной судьбой. И мы от него, будучи в гостях на каких-то праздниках, слышали очень много с огромной любовью упоминаний о Черногории, о родине, о людях, которые там живут, об его молодости с позиции убежденного очень грамотного марксиста, не коммуныки с митингов, а именно убежденного коммуниста-интер-

националиста. И коктейль представлений, знаний дал очень интересный эффект. К тому же нужно помнить, что 1979 год, мы были в августе, а весной, по-моему, в марте прошло очень сильное ужасающее землетрясение, и я впервые видел последствия этой стихии: разрушенные магазин, дом, корпус гостиницы, восстановление вот этих жестоких рам буйства природы. И 1979 год. Был еще жив Тито, то есть была та самая Югославия, которая объединила южнославянские народы, позволила достичь небывалых социально-экономических высот, построить Транс-Адриатическое шоссе, что не удавалось никому из властителей, руководителей Европы Османской империи. Это была великая славянская держава, во главе которой стоял великий славянский вождь, который впервые в истории объединил южнославянские народы. Дай Бог, что эта ситуация пройдет свою нижнюю точку сейчас и некий Ренессанс будет достигнут.

1980 год

Что хочется отметить? Это год наших военных лагерей. По яркости впечатлений это, безусловно, близко к колхозу, когда из привычного быта мы вырвались в лагерь, оделись в военную форму, получили автоматы. Это было страшно интересно, романтично и познавательно. Удивительно было увидеть, как меняется психология людей. Ряд ребят, которые с нами 6 лет проучились, просидели за одной партой, но до

этого прошли армию, что, кроме уважения, ничего не вызывало, и вышли оттуда с ефрейторскими, сержантскими лычками, вдруг в течение этого месяца всерьез начали чувствовать себя командирами и пользоваться этими псевдопреимуществами, с полным непониманием, что пройдет месяц и вернемся за студенческую скамью, будем продолжать учиться бок о бок. И это было совершенно лишнее, некрасиво и как-то вообще плохо. Если мы учились месяц, то рядом с нами располагались лагеря Курганского механического института и там ребята учились 3 месяца. Их учили по полной программе на командиров мотострелковых взводов. Каждое утро нам приходилось укрывать их у себя под нарами (мы были белой костью) от утренних пробежек. Было смешно смотреть на современных ребят в белых кальсонах, в белых рубашках, наверное, оставшихся еще со времен Первой мировой войны. Лагеря вообще-то легендарные, организованы были перед Русско-японской войной. С тех пор в разных исторических ракурсах проходила подготовка новобранцев.

1980 год -это, конечно, введение советских войск в Афганистан. Именно в лагерях мы получили об этом впервые относительно внятную информацию. Конечно, в новогоднюю ночь 1979-1980 годов никто не говорил, никто не сообщал. В первых числах января прошло какое-то формальное сообщение, что введен ограниченный контингент. Но никто не придал этому большому значение, никто не предполагал, во

что выльется этот ошибочный шаг руководства страны, что это та ловушка, которая во многом вобьет гвоздь в гроб Советского Союза. Но там мы впервые встретились с офицерами, которые успели побывать в Афганистане. Они примерно рассказали, что это такое. Эти рассказы абсолютно не совпадали с тем, что мы слышали по телевизору. Все это проходило на фоне подготовки к Олимпийским играм. Очередное спортивное шоу, наверное, не очень нужное стране, которое не принесло тех политических дивидендов, на которые рассчитывали. Это бойкот со стороны западных стран. Но, с другой стороны, это ворох медалей, которые наши псевдоспортивные звезды насобирали в громадном количестве, потому что не было главных их соперников. Показуха, которая потом стала достаточно традиционной. И уже значительно позже в другой среде от специалиста по спортивной медицине во время посиделок в Академии медицинских наук на Солянке я получил информацию, услышал, что, по сути, на московской Олимпиаде и Олимпиаде Лос-Анджелеса был преодолен физиологический барьер возможностей человеческого организма. Ну а все остальное дальше уже сверхрекорда – это достижения фармакологов и не столько спортсменов.

Во время Олимпиады умер Высоцкий. Честно говоря, те спекуляции, которые сейчас по поводу этого человека происходят, нас не коснулись. То ли я был в другой среде. Информация прошла, что, да, умер актер, да, известный. Но в мо-

ей среде, в среде Медицинского института, других вузов, это ни в коей мере не был властитель дум или кумир. Бард оригинальный, смелый, небесталаный, которого хорошо было послушать под пиво, но не более того, не властитель мыслей и не кумир. И, честно говоря, то, что потом было раздуто вокруг этого имени, наверное, это просто реклама, на этом начали зарабатывать деньги, имена. Не было такого в нашей среде на самом деле.

1981 год

Год, когда я женился, стал семейным человеком. Но повторяю, о совсем близком в этой книге не будет ни слова. И поступил в клиническую ординатуру на кафедру онкологии. В предыдущей книге я уже несколько касался этой темы, когда мне было отказано в поступлении в заочную аспирантуру. Это место, где занял совсем другой человек, который не сумел адекватно воспользоваться этим шансом. Но в ординатуру я поступил. Большое спасибо здесь, безусловно, моим друзьям, коллегам, соратникам по Комитету комсомола. Это тогда работало. Наверное, поступление в ординатуру было одним из ключевых моментов моей биографии, равно как и жениться, с чем мне очень-очень по жизни повезло.

Лотерея ДОСААФ

Очень интересный момент связан с этой народной забавой, которая считалась чуточку более престижной, чем обычная лотерея, и вероятность выигрыша там была выше, хотя, в общем, тоже достаточно эфемерная. Сам по себе я плохо отношусь к различного рода азартным играм – нельзя строить жизненные планы в расчете на халяву.

Так вот, 1980 год, 23 февраля. Девчонки из группы дарят нам лотерейные билеты, то есть они поделили по жребии, как это было принято. Естественно, на самом деле никто не выиграл. И меня черт возьми и дерни сказать: «Вы знаете, а мне выпало – мотоцикл «Урал». Почему мотоцикл «Урал»? Машину выиграть – слишком фантастично, рублей 100-200 – это не интересно, а мотоцикл – это как бы хорошо, достойно и достаточно так возбуждающе.

Видимо, настолько я все это разыграл достоверно, что девушка, которой было поручено покупать мне лотерейный билет, на меня наехала: «Слушай, я же покупала – ты должен поделиться». По-моему, до сих пор она не верит, что никакого мотоцикла не было и делиться-то, в общем, нечем.

Поэтому, уважаемые читатели, не надо верить лотереям, не надо надеяться на халяву и со скепсисом нужно относиться, когда кто-то рассказывает, что он что-то существенное выиграл. Это портит жизнь, проедает душу.

1982 год

Главное событие, безусловно, рождение Даши, любимой дочери, в последующем коллеги, соратницы, доктора наук. Но это опять же слишком близко, слишком интимно, чтобы писать об этом в книге. Фактологическое же содержание года – это было начало учебы в ординатуре, это знакомство во втором радиологическом отделении с Валерием Ивановичем Кирюшкиным, бывшим заместителем директора по науке 4-го филиала Института биофизики, человека с непростой биографией, с очень непростым неоднозначным характером, но великолепным ученым, энциклопедистом, от которого в плане методологии, работы с литературой, с источниками я взял, безусловно, очень много. На фоне второго радиологического отделения, где я работал, с достаточно серым составом, это было, безусловно, яркое пятно, далеко не всегда позитивное, но очень яркое.

Событие, которое, безусловно, запомнилось, это сбитый корейский Boeing. Это те рассуждения, которые проходили вокруг этого события, комментарии. Но интересно даже вот что. Времена были очень скучные в плане литературы, в плане публикаций. Но в каждой ординаторской люди, приходя после выходных или просто утром, обменивались прочитанными в газетах новостями, прочитанными толстыми журналами, которые в те годы хоть и были отдушиной для литературы, но не блистали большим разнообразием. Сейчас, к сожалению, этого не наблюдается. Интеллигенция стала менее читающей, менее восприимчива к культурным достижениям

и новостям.

Мне же в эти годы повезло с библиотекой. Рядом с нашим домом Цвиллинга, 79А была расположена татаро-башкирская библиотека, где было много совершенно и российской литературы. Но почему-то очень широко были представлены мемуары военачальников и летчиков. И за неимением другого чтива я превзошел и перечитал очень много литературы, составив свое собственное представление об эволюции нашей авиационной мысли, о биографиях ведущих конструкторов и Второй мировой войны, прочитав взгляд на нее со стороны разных советских военачальников.

Еще в плане литературы один знаковый момент. На свадьбу нам подарили полное собрание сочинений Антона Павловича Чехова. Я за неимением лучшего проштудировал все эти тома, все эти красивые серые книжки, проникся к Антону Павловичу большим уважением, но больше в своей жизни к нему не обращался. Наверное, получился все-таки некий, увы, перебор.

1983 год

Окончание ординатуры, воспитание дочери, начало работы над диссертацией, болезненный переход в диспансер. Собственно, он был не болезненный, а закономерный. Я думаю, что был сделан правильный выбор в пользу радиологии Второго радиологического отделения, когда я понял, что хи-

ругия, голова, шея – это, мягко говоря, не мое. А радиология – это то, что меня действительно интересует и где мне бы хотелось работать и развиваться. Удивительно то, что отношение к занятию диссертацией, не буду говорить громко наукой, в диспансере было очень сдержанно и ревностно. Считалось приличным защищать диссертацию ближе к 50-ти годам, когда, мне кажется, она не очень нужна. Как один умный человек Лев Яковлевич Эберт мне сказал: «Нужна диссертация, но не жизнь для диссертации». Руководство диспансера думало по этому по вопросу совершенно иначе. И первое, что было сделано, когда я стал ординатором онкодиспансера, это был запрет на занятия наукой, достаточно грубый и безапелляционный. Несмотря на то, что я был секретарь Комитета комсомола, член партии и имел определенные право голоса, было очень обидно, досадно. Но этот удар убедил меня в необходимости все-таки продолжать работу над диссертацией.

Одно из ярких событий этого года – это поездка по линии «Спутника» в Индию и на Шри-Ланку. В те годы это равносильно было полету в Космос. Фантастическая поездка. Первый контакт с Индией, первый контакт с тропиками, начались мечты о путешествиях, о том, что я читал у Жюль Верна и других приключенческих фантастических книгах. Неподражаемая, ярчайшая Калькутта, Дели, Агра, железная нержавеющая Колонна, умопомрачительный Мадрас с запа-

хами, которые сводят с ума, небо на берегу океана. Первую ночь в Мадрасе я провел, не будучи сильно большим романтиком, просто лежа на шезлонге, рядом с океаном, слушая океан, смотря на небо, на Млечный путь, когда я в первый раз увидел в своей жизни, на громадную Луну, в виде лодки, падающие звезды. Потом был еще более фантастический Цейлон с посещением храма Зуба Будды и путешествие к Дому Артура Кларка. Неудивительно, что этот великий фантаст, приехав на Цейлон, так там и остался. И сильнейший ряд из сильнейших его вещей, в частности «Фонтаны Рая» были написаны именно на Цейлоне. Именно оттуда был построен его героями гравитационный лифт к станции на стационарной орбите. Я набрался смелости при не очень хорошем английском, нашел его дом (это было согласно поклонения) виллу. Очень доволен, что я это сделал.

Фантастический перелет домой с посадкой в Абу-Даби. Еще более космические впечатления. Туалет с сенсорами-датчиками. И таможня в «Шереметьево», где у нас пытались забрать ананасы, подаренные нам хозяином отеля в Цейлоне якобы за какой-то недоданный сервис. Вы представляете себе, что такое по 1,5 зрелых ананаса величиной с 3-литровую банку в 1982 году в марте! И попытки таможенников забрать их якобы из санитарных соображений. Но поскольку прилетели мы рано утром, а на поезд надо было вечером, запас времени был колоссальный, и мы эти ананасы, грубо говоря, сожрали, слопали, заглотили прямо здесь, в

проходе через таможенную, к большому их бешенству в совершенно антисанитарных условиях. Нужно сказать, что ни у кого из членов нашей группы никаких расстройств не было. К тому же эта поездка была знаменательна тем, что во время поездки в Дели я встретил свое 25-летие. Первый раз непривычно было отмечать день рождения, тем более такую дату за рубежом. Мне подарили большое медное чеканное блюдо ручной работы. Может быть, и не сильно высокой художественной ценности, но оно до сих пор у меня хранится как память о первой очень яркой, очень значимой для меня поездке и чудесной Индии, куда я потом неоднократно возвращался.

1985 год

Учеба в Москве. В плане образования, профессионального становления, наверное, самая важная поездка, подготовка, обучение на кафедре у Александра Сергеевича Павлова, который долгие-долгие годы в последующем меня опекал, помогал, рекомендовал к избранию в члены-корреспонденты РАН и всегда был маяком и опорой в жизни. Знакомство с потрясающими специалистами: блестящая могучая Клавдия Николаевна Костромина, блистательная Софья Львовна Дарьялова, Людмила Самойловна Стиоп и ряд других. Наверное, там во многом я стал как специалист тем, кем стал, были заложены основополагающие основы. Конечно, повез-

ло с компанией, с которой мы учились. Со значительной частью из этих ребят я продолжаю общаться и сейчас. Это уже зрелые солидные серьезные врачи, начмеды, руководители, доктора наук. Тогда мы были молодые мальчишки и девчонки, которые выехали на учебу, на волю. У нас буквально день на третий-четвертый родился план освоения столицы. Кстати, передвигались мы только на наземном транспорте. Никаких метро. Так иногда по необходимости. И за все время, за все четыре месяца мы ни разу не повторились. У нас обычно были три дня культурных, четыре питейных или наоборот. Мы обошли громадное количество театров, развлекательных мест. И тогда я Москву узнал. Правда, скоро Москва стала совсем другой. Но вот воспоминания о той Москве, где все было доступно, все было открыто, они сохранились, наверное, навечно. Это посещение ресторана «Седьмое небо» на «Останкино», это Дом-музей Королева, это музей Васнецова. Я уже не говорю о центральных, таких главных государственных музеях. Это, по сути, проникновение в такую жизнь Москвы. Почувствовали себя москвичами. Это участие в съемках в «Борисе Годунове». И самое главное, на время этой учебы у меня была запланирована защита кандидатской диссертации в Томске. Все для этого готово: портфель с экземплярами диссертации. И представляете себе, какой удар, когда за 10 дней до предполагаемой защиты получаю телеграмму, что защита отменяется. Сажусь на телефон. Не было мобильной связи, все через телефон-автомат выяс-

няется, что, оказывается, защита переносится на февраль. Подоплека была та, что ученый секретарь забыл, просто забыл, подать документы в ВАК на то, что защита будет идти по двум специальностям. Но всегда виноват диссертант. Это как бы я зарубил себе очень надолго, что виновато заинтересованное лицо. Казалось, что мир рушится. Но ничего не обрушилось. Наоборот, как говорится, все, что нас не убивает, нас закаляет. Пришлось слетать в Томск, пойти на некие поправки, исправления, материальные траты. Это было тогда весьма чувствительно. Защита состоялась в 1986 году 26 февраля. Но это отдельная история в следующей главе. Пришлось прошагать и через это. Но 1985 год, конечно, остался для меня под знаком учебы в Москве.

В этот же год, как мы помним, началась перестройка. Я очень хорошо помню момент, когда я ехал из Томска в апреле. И сидя на вокзале в ресторане, что-то там перекусывал, слушал апрельский пленум и первое выступление Горбачева, где говорилось о перестройке и о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Тогда невозможно было предположить, во что это выльется в течение буквально короткого времени и как исковеркает нашу жизнь, нашу страну и приведет к смерти и гибели государства. Тогда все казалось достаточно радужно, интересно, перспективно. Но, уже живя в Москве в общежитии, наблюдались такие забавные моменты. Жили в знаменитой общаге медиков на улице Поликарпова, где не одно поколение врачей училось. Комнаты были достаточно

большие, кухня в конце коридора, как было принято в те годы. И на кухне висела большая карта Москвы, где в пределах Садового кольца, немножко за его пределами были отмечены многочисленными поколениями докторов все пивные точки и все ликероводочные магазины. И на нашу долю досталось вычеркивать закрывающиеся точки. К концу года их осталось до обидного мало. Хотя наша группа не увлекалась зеленым змием, но, тем не менее, вот эти неудобства мы испытали в полной мере. Самое главное, было непонятно, куда это и к чему приведет.

Совершенно неожиданно и нелепо умер мой тесть – профессор Петр Соломонович Каплунович. Умер от хирургических осложнений после операции на предстательной железе, которая, наверное, и не совсем ему была и нужна. Но так бывает с врачами. Лечение проходило по-профессорски, а не по канонам. Очень обидно. Еще молодой, очень талантливый способный человек, наверное, родоначальник серьезной офтальмологической школы у нас в области. К сожалению, люди, которые потом пришли к руководству офтальмологической службы, на какой-то период предали его имя забвению и фактически вычеркнули из истории медицины. На самом деле это первый лазер, это лечение ожога роговицы, это большое количество публикаций, это работа в редколлегиях крупных центральных журналов. Мне очень жаль, что немного мне удалось побыть профессорским зятем в том

смысле, что очень бы хотелось общения с Петром Соломоновичем, с его друзьями – с профессором Купряжкиным, с профессором Эбертом, профессорами братьями Лившицами. Но даже за этот короткий период я очень много для себя взял. Это были энциклопедисты, это была профессура очень высокого ранга и полета с высоким самосознанием, с великолепным знанием литературы, русского языка. Очень жаль, что судьба распорядилась так нелепо.

Рерихи

Есть в Москве Музей народов Востока, не один из центральных, не очень, насколько я знаю, посещаемый, но в свое время этой музей открыл для меня искусство Рерихов. Я фактически случайно туда зашел и был поражен этими картинами, цветами. Эта знаменитая серия «Гималаи». Надо все-таки у художников – смотреть подлинники. Многократно я видел копии на страницах журналов, книг, где-то в музеях, но, честно говоря, не производило впечатления, казалось такой, если грубо говорить, мазней, но когда это смотришь вживую, эти картины – «Эверест» и другие, не буду все перечислять, то рериховские краски, рериховские цвета – это, конечно, поражает.

Наверно, истина здесь старая, понятная, что надо высокие вещи смотреть в подлиннике – только тогда можно оценить их красоту, значимость и понять величие создателей, авто-

1986

Это – год защиты кандидатской диссертации, 26 февраля 1986 года в день открытия XXVI съезда КПСС. Защита сопровождалась небольшим стрессом. Мобильных телефонов не было, повторяю, это все помнят. У меня было два введенных члена: ребята из Новосибирска. 300 км по зимнему тракту. Что-то случилось с машиной. И они задержались. Слава Богу, что удалось им позвонить. А представьте себе ситуацию! Защита должна была быть в 10 часов утра. Сидит ученый совет, у всех свои дела. Людей начинает злить, что защита откладывается и откладывается. В итоге начинается в 2 часа по томскому времени или 10 часов по Москве. В это время в Москве должен был открываться съезд. Имеется строгое указание обкома партии не проводить никакие мероприятия, несвязанные с открытием съезда. Но председатель ученого совета академик Васильев берет на себя смелость, звонит второму секретарю обкома, описывает ситуацию. Тот говорит: «Ну ладно. Защита – это же производственное дело». – «Конечно, производственное». «Давайте проводите. Только пусть этот из Челябинска начнет свое выступление, поздравиться в адрес XXVI съезда КПСС». Что я и сделал. Не могу сказать, что меня сильно покорило. Надо было защищаться. Но мне казалось тогда это действительно важ-

ным и серьезным. Защита прошла хорошо, без черных шаров, с большим интересом, действительно была дискуссия, чему я был несказанно доволен и благодарен членам ученого совета, которые, понятно, отложили свои дела, наверное, достаточно серьезные, да любые. Все равно это был важный шаг в мою сторону. Надо сказать, что со многими из них в последующем меня связала тесная дружба. На этом совете утверждалась тема кандидатской диссертации оппонента, в последующем моего близкого друга и соратника академика Евгения Лхамациреновича Чойнзонова. Тогда просто Жени Чойнзонова, который выходил на защиту кандидатской диссертации. После окончания защиты, естественно, ребят, приехавших из Новосибирска голодных, холодных, нужно было покормить. Но говорить о каких-то банкетах было запрещено категорически. Николай Владимирович Васильев делает такой жест рукой, спускается в полуподвал в лабораторию, такой же жест старшему лаборанту. Открывается сейф, извлекается бутылка со спиртом, отливается в колбу, делается заметка стеклогграфом на бутылки, ставится в закрытый портфель. Едем на служебном автомобиле Николая Владимировича в гостиницу «Томск», заказываем горячий обед, закрываем дверь изнутри, разливаем спирт, смешиваем его с газированной водой «Буратино», выпиваем за мой успех, закусываем, по первой, по второй. Потом Николай Владимирович хлопает себя по лбу и говорит, что он же обещал секретарю обкома поделиться впечатлениями о докладе ге-

нерального. Понятно, что никакого доклада он не слушал. Но садится на подоконник, набирает соответствующий номер, начинает делиться впечатлениями, что он как старый вузовский работник, как академик глубоко тронут вниманием, при этом делает жест мне «давай, налей мне еще спиртика и добавь «Буратино», что я делаю с охоткой. Обед заканчивается, деление мнениями тоже заканчивается. Ребята едут в Новосибирск. А я остаюсь переживать стресс.

Вот так я стал одним из самых молодых кандидатов наук онкологов и самым молодым, качественно самым молодым кандидатом наук в диспансере. Понятно, что никто меня по приезду не поздравлял и не чествовал. Тем более что все это я сделал в отпуске. Но деваться было некуда, пришлось признать, что в диспансере появился кандидат наук.

А в конце года была еще одна поездка в Москву в Институт Герцена, первый визит в Институт Герцена на знакомство с Софьей Львовной Дарьяловой, с Пашей Поляковым, ныне профессор Поляков. И начало работы уже в серьезном качестве кандидата наук с центральными институтами.

Безусловно, знаковое событие 1986 года – это чернобыльская авария. 26 апреля я дежурил в диспансере. Очень хорошо помню этот вечер. Достаточно тепло уже было. Сделал обход, посмотрел, вроде бы все относительно спокойно, все более-менее нормально. Прилег вздремнуть. Около двух часов ночи еще раз проснулся, посмотрел тяжелых больных,

включил радио, и там проскочило вроде такое не очень значимое сообщение о том, что на Чернобыльской АЭС произошел инцидент, который успешно ликвидируется. Но как-то все равно было передано необычно, это зацепило память. Потом были майские праздники, после которых уже об аварии начали говорить всерьез. Активно мы заметили шевеления в ФИБе. Самое главное, что много оценочной информации выдавал всегда сдержанный Валерий Иванович Кирюшкин, которого вскоре, где-то летом, привлекли к ликвидации этой аварии. Ангелина Константиновна Гуськова пригласила его. Но, видимо, как бы его грехи, раздражение, обида властей на него была настолько велика, что даже вот этот шанс не позволил ему вернуться в профессию и заниматься тем, чем он занимался в течение всей предыдущей жизни. Я помню свой порыв (я врач-радиолог) поехать в Чернобыль, патриотизм. И, наверное, Артур Евгеньевич Клипфель был тогда прав, когда эту мою инициативу в корне задавил, сказал: «Давай, работай здесь. Тут ты нужнее. Тут ты сможешь реализоваться, а там ты соришь, как спичка». За это я ему это очень признателен. А я готов был туда поехать.

1987 год

Родился сын Илья. Родился в достаточно оптимистической обстановке. Казалось, что перестройка выводит нас на новый уровень интересной жизни. Появилось очень много

интереснейшей литературы, знаменитые произведения «Ночевала тучка золотая», «Дети Арбата», «Новое назначение». И все читали взапой. И люди делились во многом на категории, кто прочитал «Дети Арбата», кто еще не прочитал и кто не собирается читать в принципе. Люди, интеллигенция резко политизировались. Сейчас, конечно, многие вещи кажутся очень смешными. Но тогда много воспринималось всерьез. Наше отделение располагалось на одном этаже с отделением химиотерапии. Химиотерапевты были безусловные демократы. Меня считали партократом. И достаточно было, чтобы заблокировать работу, консультации, какие-то трения с соседями, зайти в ординаторскую и сказать: «Ну что, россияне, братья и сестры (это, прежде всего, Валентина Васильевна Дзюба, заведующая отделением, и Мондросова), долой антинародную клику Ельцина-Бурбулиса». И все началось бурлить, кудахтать и работа на несколько часов прекращалась. Тогда же, в 1987 году, разговор зашел о том, что я созрел, пора становится заведующим отделением. Да я и сам чувствовал, что я к этому вполне готов и соответствую по квалификации, по знаниям. Я тогда этому разговору поверил и начал серьезно готовиться. Каково же было разочарование, когда перед Новым годом тогдашняя заведующая сказала: «Вы знаете, ребята, я передумала. И ты, Андрюша, заведовать не будешь».

1988-1989 годы как бы слились, наверное, в один год. Это

работа, работа в отделении, это продолжающиеся в течение года авансы, что «ты готовься, будешь снова заведовать отделением», снова передумывание. Уже к 1990 году эти обещания в большой степени надоели. Внешне ситуация очень ухудшилась: перестройка вступила стадию, по сути, распада СССР. Резко улучшилось материальное положение и все казалось достаточно грустным и мрачным. И, наверное, здесь большую роль сыграло то, что я начал заниматься докторской диссертацией. Это заняло тот вакуум свободного времени, который был, заняло мозги и позволило сохранить себя. Очень тяжелое и бездарное время было в эти два года.

Все еще было достаточно стабильно в стране. Были, казалось бы, обоснованные оптимистические надежды на будущее. Мы были свидетелем эпопеи пуска ракет «Энергия» и «Бурана». Мы все ожидали от Космоса движения вперед. Мы верили, что перестройка двинет нас вперед, хотя позади был уже и Чернобыль, и гибель теплохода «Нахимов». Но, тем не менее, с большим энтузиазмом, наверное, как в 60-е годы был воспринят первый пуск «Энергии» с эквивалентом «Бурана». Тогда никто не мог предположить, что вскоре Горбачев подпишет указ о закрытии программы. Трудно представить себе сейчас, сколько при этом рухнуло карьер, сколько было поломано судеб, какие гениальные головы и золотые руки оказались не востребованными и выкинутыми на помойку капитализма. Я думаю, что это одна из самых ужас-

ных исторических трагедий, которая, к сожалению, не нашла свое отражение ни в литературе, ни в кино. Это вам не жалкие выигрыши-проигрыши наших футболистов и хоккеистов, из которых пытаются сейчас делать эпос.

1990 год

Я, наконец, стал заведующим отделением. Перестройка подошла к решительной критической фазе. Казалось, что хуже вообще уже некуда. Но жизнь показала, что есть куда. Вообще этот этап заведования отделением с 1990-го по 1996 год я считаю, наверное, одним из самых профессиональных счастливых периодов моей жизни, когда я был абсолютно компетентен, когда я занимался тем, что мне нравилось, когда не было вот этих неизбежных административных, финансовых нагрузок, которые появились в последующем. Началось формирование адекватного состава врачебного коллектива в отделении.

1991 год

Безусловно, у меня, как у большинства, наверное, наших соотечественников как самое яркое впечатление запечатлелось 19 августа. Очень хорошо это помню. Утро. Я был в отпуске. Собирались за грибами. Невнятное сообщение по радио о том, что приступил к работе ГКЧП, Горбачев отстра-

нен от власти. Честно говоря, на фоне калейдоскопа событий, которые происходили до того, это воспринялось как-то не очень глубоко, и мы семьей спокойно тронулись в лес. После обеда стало понятно, что происходит нечто серьезное. Знаменитое «Лебединое озеро» по телевизору, истерические сообщения из Москвы о подготовке штурма Белого дома. Самое, пожалуй, идиотское и истеричное выступление кого-то из тогдашних нардепов, что в Челябинске идут танковые бои и Чебаркульская танковая дивизия перекрыла Транссиб и М-5. Было смешно, страшно, глупо слушать эти вещи, когда в городе было все достаточно спокойно. Сейчас понятно, что, безусловно, переворот произошел исключительно московскими силами. Может быть, сложно осуждать людей, которые пытались сохранить государство. Не вызвали у меня приятие и абсолютную симпатию защитники Белого дома. Потом последовала эта истерия с несчастными пацанами, которые погибли под гусеницей БМП, и политический спектакль присвоения им званий героев Советского Союза. Трагикомедия. Удивительно, когда в одночасье великая держава превратилась фактически ни во что. Потом началась пляска на костях, потом начались выступления Ельцина и так называемых защитников, и мы канули туда, откуда не могли выбраться в течение многих-многих лет. А уж это участие в обороне Белого дома стало сравни известному анекдоту о тех, кто помогал Ленину на субботнике нести знаменитое бревно.

До 19 августа и вскоре после него ворохом посыпались выходы из КПСС, сдачи партийных билетов. Как правило, это были движения не искренние, а исключительно конъюнктурные. И я был тогда секретарем партийной организации диспансера. Довелось видеть эти псевдометания, псевдопрозрения у людей, которые совсем недавно за несколько месяцев были уже такими ортодоксальными марксистами, коммунистами. Таким был Арри Унг, который даже написал заявление о том, что его всю жизнь обманывали, несчастного, а он, наконец, прозрел и сейчас выходит из партии. Хотелось прыгнуть с тонущего корабля. Я взял на себя, честно говоря, грех и его заявлению хода не дал. Поэтому буквально через полгода он уехал в ФРГ пламенным членом КПСС, откуда и по сей день не выбыл. Своеобразный очень был персонаж.

1992 год

Наверное, самый мрачный год в постсоветской истории. Отпуск цен, страшные экономические реформы, исчезновение всех запасов, которые были сделаны, полная потеря ориентации. Меня, конечно, здесь спасала докторская диссертация, которой я занимался, и поддержка тогда еще не академика и даже не член-корра, а профессора Харченко, директора Института рентгенорадиологии в Москве. Если бы не эти факторы, не знаю, как и что сложилось бы. И 1992 год

был отмечен тем, что начались первые контакты с Федеральным ядерным центром благодаря Эдуарду Магды, к сожалению, ныне покойному, первые поездки, первые шаги в области освоения нейтронной терапии.

1993 год

Продолжающееся кризисное явление в стране, в диспансере. Но именно в этот год я выхожу на защиту докторской диссертации, которая, наверное, одна из самых главных побед, которая позволила дальше строить жизнь так, как она была построена. Защита в Центре рентгенорадиологии в условиях дефицита, прежде всего, денег, продуктов. И вспоминается забавная ситуация. После защиты небольшой обед. Конечно, тогда не было банкетов, которые пришли в наш быт спустя несколько лет. Все достаточно было скромно. В отделении у профессора Георгия Паньшина я очень гордо выставил на стол коньяк, виски. Мне ребята говорят: «Ты что, охренел что ли? Софа Дарьялова коньяк и виски не пьет. Она пьет только водку». А Софа Львовна Дарьялова, профессор, которая много-много лет меня поддерживала, была моим оппонентом, я никак не мог в этой ситуации проколоться. Пришлось быстро бежать в какой-то из магазинов, хватать такси. В общем, водка на столе оказалась. Я стал доктором наук. В параллель с 1986 годом, когда я после защиты кандидатской диссертации и проводов членов совета из Новосибирска (не было развлечений) пошел в местный драмтеатр

на спектакль «Зойкина квартира». Здесь мы с Зоей пошли и случайно попали в Ленком на спектакль с участием первого состава «Юнона и Авось». И игра была великолепная, и спектакль потрясающий, и ситуация располагала. Эта опера, этот спектакль на долгие годы стал моим любимым театральным произведением. Люблю и до сих пор. Но такого исполнения я больше никогда не слышал.

1994 год

Гибель Владимира Зиновьевича Нечая, директора ВНИИТФ. Профессор Нечай приехал в эти мрачные времена из Москвы после крайне неудачной беседы с руководством страны, где было заявлено, что мы теперь со всем миром друзя, вы не нужны, ваши разработки никому не нужны, выживайте, как хотите. Владимир Зиновьевич, которого мне довелось знать лично, застрелился у себя в кабинете. Надо сказать, что эта гибель оказалась бесполезной, этот набат прозвучал и дошел до кого-то в руководстве государства. И после этого политика в плане оборонных предприятий, в плане ученых очень медленно, очень нехотя, но все-таки стала меняться. Кто-то наверху стал понимать, что с одними рыночниками, банкирами и биржевыми спекулянтами им не выжить. Страна их, конечно, не волновала. Я думаю, что это был, прежде всего, жест в плане собственной безопасности.

1994 год – год совершенно удивительный, год бурного развития работ со Снежинском. Тогда губернатором области был Вадим Павлович Соловьев, который (я уже об этом писал), на мой взгляд, очень существенно опередил свое время, который увидел в наших работах перспективу, задел на будущее и в труднейшие экономические политические времена поддержал нас. Именно тогда состоялась поездка в США меня, Эдурда Магды и еще одного молодого доктора, который, к сожалению, абсолютно не оправдал надежд и достаточно плохо закончил свою карьеру. Но речь не об этом. Именно этот год нам дал возможность посетить Соединенные Штаты, посетить Нейтронный центр в Сиэтле, в Хьюстоне. Это была очень важная эпохальная поездка. Я повторяю, она была предпринята в очень трудные финансовые времена. Но областная власть могла выделять стратегические направления и принимать решения по ним. Тогда же благодаря активности и прозорливости Владимира Борисовича Макарова, который был тогда начальником главного управления здравоохранения, начались строительные работы по созданию Центра нейтронной терапии в Снежинске.

1995 год

1995 год ознаменован в моей жизни одной из самых тяжелых трагедий – это гибель брата, это рубец, который не заживает до сих пор. Но это опять же сугубо личное. Пройти

мимо этого события, как и мимо смерти деда в 1995 году и бабушки в 1997 году, я не могу. Но это, как я уже говорил, не предмет для рассуждения в книге.

В этом году я абсолютно осознанно покрестился

1996 год

Яркое незабываемое впечатление – это абсолютно комедийные фальсифицированные выборы Ельцина и трусливый проигрыш Зюганова. Всем было понятно, что КПРФ выигрывает. Это был последний шанс повернуть развитие ситуации в стране вспять на нормальное русло. Мерзко было наблюдать агитационную работу, которая шла, подтасовку фактов. И мы понимали, что победа Ельцина заведет нас в еще более страшный тупик, чем тот, в котором мы наблюдались. Незадолго до этого состоялась известная операция, сделанная кардиохирургом Акчуриным. После этого в Академии медицинских наук приходилось с ним встречаться, разговаривать. Естественно, не задашь вопрос. Понятно, что исполнял врачебный долг. Но в кого ты вложил свое искусство, в кого ты вложил свой талант? Увы, это извечная проблема врача, который должен и обязан лечить и гения, и таланта, и подонка.

Кафедра

В этом же 1996 году я стал заведующим кафедрой при достаточно странных обстоятельствах. Заведовал кафедрой, думаю, заведовал бы еще очень много лет очень известный рентгенолог Борис Константинович Шаров. Я совмещал у него на кафедре. Однажды вечером раздается телефонный звонок, звонит профессор Ратников, говорит: «Андрей, ты слышал про Бориса Константиновича? Я думаю, что теперь ты будешь заведовать кафедрой». – «Как, что?» «Несколько часов назад Борис Константинович скоростижно скончался». Понятно, что никто не ожидал такого разворота событий. Я, честно говоря, не предполагал. Но в создавшейся ситуации Юрий Степанович Шамуров, которому я очень благодарен за этот шаг, пригласил меня, совершенно молодого пацана, но уже доктора наук, заведовать кафедрой рентгено-радиологии лучевой терапии Института. Тут началась вторая ветвь карьерного и научного развития, как бы совершенно неожиданно добавив хлопот и украсив жизнь.

В это же время по настоянию руководства диспансера, которое, повторяю, не слишком хорошо относилось, мягко говоря, к людям, остепененным и людям, которые стремятся развиваться профессионально вне банального примитивного околomedicalного бизнеса. Мне пришлось оставить отделение, отдав его в руки неподготовленному и непорядочному человеку, который закончил свою короткую карьеру через несколько лет на скамье подсудимых. Но это совсем другие истории. В тот период на фоне невыплаченных зарплат

и прочих передрыг довелось начать заведование кафедрой.

1999 год

Настоящая слава

1994 год, летом, очень жарким, хорошим летом я с друзьями, в том числе с Сашей Левитом, находимся на базе «Серебряные пески» «Государственного ракетного центра». Я в 1993 году защитил докторскую диссертацию, Сашка стал коммерческим директором «БиЛайн», открыли один из офисов в Миассе. Среди жаркого лета, как часто бывает на берегу чудесного озера Тургойак, налетела гроза, все попрятались по палаткам и домикам. Потом – яркое солнце. Сашка позвонил в Миасское отделение, оттуда достаточно быстро привезли две большие телевизионные картонные коробки. Одна была заполнена великолепными сухими дровами, и там были две бутылки водки, во второй лежал Сашкин аккордеон и еще две бутылки водки, а также растопка.

Быстренько разгорелся костер, и под такое настроение начался концерт: Александр Борисович Левит, уважаемый коммерсант, на мостках играл матерные частушки, я их пел. Успех мы имели потрясающий, но настолько, что жены наши, в общем, физиологически не удержались – мы сорвали громадные аплодисменты. Потом вечер продолжался как положено. И спустя года, наверно, четыре-пять, когда мы уже

купили дачу в «Медике» отмечаем, у Зои день рождения, 28 июня. Сашка играет, я пою частушки, раздаётся стук в калиточку, я выхожу – там несколько людей таких взрослых. Говорят: «Извините, вы профессор Важенин?» – «Я». «Александр Борисович с вами? Это он играет?» Я говорю: «Конечно, он». «Вы знаете, мы вас слышали на Тургояке. Можно мы зайдем и еще тихонько послушаем?»

Тогда мы все убедились, что настоящая слава – это не профессорство, не коммерция, а искусство и возможность дарить народу то, что он любит и ценит. Это для меня была самая звездная минута славы, ничего подобного я не испытывал.

2000 год

2000 год мы встречали в санатории Кисегач, вместе с семьей Задорожных, наших близких друзей. И вечером 31 декабря, конечно, был полный шок. Абсолютно неожиданно. Может быть, я человек недостаточно прозорливый, я не ожидал, не просчитывал итоги перестройки, я не ожидал распада Советского Союза, я не придавал значение 19 августа, когда услышал первое сообщение. Так и здесь, я не предполагал, что 31 декабря Ельцин, наконец, уйдет в отставку и на пост руководителя государства придет совершенно свежий разумный человек с хорошей биографией, которая внушала большое доверие и уважение, Владимир Владимирович

Путин. Это была абсолютная сенсация, поданная под Новый год. По сути, на переваривание были даны нам новогодние праздники. Очень интересно, когда ты становишься свидетелем исторических событий и в рутине каких-то обычных моментов не чувствуешь, не понимаешь его величия.

В этом году 1 июня 2000 года, может быть, где-то символично я становлюсь главным врачом онкологического диспансера. И начинается очень длительный и сложный тяжелый период реформ преобразования: создание научной школы, создание дееспособной команды в Челябинском онкодиспансере, достройка нового здания. Но это, скорее, относится к личной биографии, а не к восприятию исторических событий, которые сопутствовали этому.

Это год пуска хирургического корпуса. Он тогда назывался новым. Скоро ему уже будет 18 лет. Это был колоссальный качественный рывок в развитии диспансера, который сразу создал предпосылки для (неразб). Мы получили новые площади, новые операционные, мы смогли открыть онкоурологическое отделение. Это во многом следствие поездки в 1996 году под руководством Николая Ивановича Тарасова в Южную Каролину, где мы познакомились с американскими онкоурологами, увидели перспективу этого направления. И там родилась идея создать такое необычное для России тех времен подразделение. Понятно, что после кризис-

ных 90-х это был колоссальный рывок. Мало кто помог тогда позволить себе построить такой корпус. Пуск сопутствовал большому интересу со стороны властей, было несколько интересных визитов. Это визит Геннадия Андреевича Зюганова. И на меня произвел впечатление вот этот политик, очень внимательный, вдумчивый, который не только смотрит, но и видит. Мы ему показывали презентацию. На одном из слайдов он попросил остановиться, сказал: «Ага, вот тут скрыт просвет сосуда. Это бляшка атеросклеротическая?» Да, это была бляшка. Никто из других зрителей ни раньше, ни позже на это внимания не обращал. И что еще более поразительно, спустя 3 или 4 года в Москве на одном мероприятии мы с ним увиделись на банкете. Он подошел с рюмкой, говорит: «Извини, пожалуйста. Андрей?» – «Андрей». «Челябинск?» – «Челябинск». Там разговор был, как дела, что. Думаю, господа, сколько за эти годы было у него встреч, тем более что посещение нашей клиники, наверное, не было для него чем-то судьбоносным и глобальным. Но, тем не менее, цепкость, ум и умение видеть на меня произвели колоссальные впечатления.

Вторая встреча этого года – это посещение диспансера Сергеем Мироновым, когда она был председателем Совета Федерации. Мы представили клинику, показали некоторые новые технологии, в том числе и отделение онкоофтальмологии, онкоурологии. И так совпало, что это посещение попало на мой день рождения. Везет мне в свой день рожде-

ния встречать людей, отмечать в необычной обстановке. И на память об этой встрече осталась великолепная картина с памятной табличкой и замечательная перьевая ручка. Надо сказать, что писать люблю больше перьевыми ручками, чем шариковыми.

И третья встреча уже осенью. Посещение области и диспансера митрополитом Алексеем. Это была знаковая встреча, знаковая фигура. Я очень рад, что судьба подарила мне в этой жизни.

2002 год – еще один страшный год в моей жизни. Это болезнь Зои. События, процесс и борьба в течение 7-ми лет за здоровье и жизнь перевернули и перекроили дальнейшую судьбу меня и моей семьи. Пройти мимо нельзя. Обсуждать не будем. Это не здесь

2003 год

Астана

Построен в казахстанской степи потрясающе фантастический город Астана – столица Казахстана. Это отдельная история его строительства, город имеет политическое значение. Но меня поразило, я уже говорил об этом феномене, как у нас в памяти, в восприятии на разных полочках лежат разные вещи. Никогда не думал, хотя знаю географию вроде бы неплохо, для меня было определенным открытием выяс-

нить, что город Астану разделяет пополам река Сырдарья – легендарная среднеазиатская река, на которой на некотором расстоянии расположен и космодром Байконур.

2006 год

Девочка Зоя в Лиссабоне

В середине нулевых годов, не помню, наверное, это был год 2006-й, одна из поездок Зои за рубеж. Это была Португалия. Нас сопровождал очень симпатичный парень, гид, женатый на русской барышне, он что-то очень суетился, куда-то торопился, но парень был симпатичный, видно было, что это не от лени его и не от безответственного отношения к работе, а что-то у него происходит. Он на прямой заданный вопрос ответил: «Вы понимаете, у меня родилась девочка. Жена – русская, и мы решили назвать ее Зоей».

Мы были настолько растроганы таким совпадением – купили девочке какие-то соответственно возрасту пеленки, тапочки, чепчики, золотой крестик. Парень и его жена растрогались и пообещали, что имя Зоя сохранится и при крещении Зою назовут крестной матерью.

Вот так очень интересно. Прошло с тех пор лет достаточно много, больше десяти. Девочка, наверно, уже всю ходит в школу и бегаёт. Интересно сознавать, что где-то в далекой Португалии растёт маленькая русско-португальская девочка

по имени Зоя.

Несколько лет я пропускаю, потому что в тот период каких-то важных глобальных событий в окружающем мире, кроме перевыборов Президента в 2004 году, вполне ожидаемых и прогнозируемых, не было. А в 2007-2008 годах стартовала федеральная программа «Онкология», где нам довелось... Я не говорю, что повезло, потому что сил, нервов и проблем это создало очень много. Надо сказать, что крайне разумное и своевременное начало по реорганизации онкологической службы, создания онкологических округов. Их должно было быть восемь. И Челябинск должен был стать окружным диспансером. И был такой счастливый момент, когда в Министерстве здравоохранения некая компания во главе с Валерием Ивановичем Чиссовым мы как дети лейтенанта Шмидта очертили карту России, распределяли границу округов. Это был такой творческий полет. Потом начались экономика и политиканство: запоздалое выделение денег, судорожное требование выполнения невыполнимых программ. Мы были первым окружным диспансером. Совершенно явные подставы со стороны руководства Министерства здравоохранения, бесконечные неадекватные проверки. Но через все это удалось пройти. Мы сделали современный диспансер: мы построили ПЭТ, мы построили радионуклидную терапию, мы реконструировали радиологию, создали современную эндоскопическую и лабораторную службу. Но

все это не благодаря, а вопреки. Но самое главное, что в результате этой реформы и работы было утрачено главное, – не произошла реформа системы здравоохранения страны, все осталось, как есть, все закончилось только освоением денег. И очень обидно, что тогда вот эти вбросы больших количеств денег в регионы на неподготовленные коллективы стоили карьеры достаточно большого количества онкологических коллективов и диспансеров. Я не буду сейчас называть фамилии и города, разбираться, кто прав, кто виноват. Но в этом огне реформирования сгорел ряд многих очень достойных и квалифицированных специалистов. Я считаю, что это была неадекватная цена за переоснащение нескольких десятков диспансеров. И вторая обида – это потерянный шанс возобновить создание отечественной техники. Тогда руководству Минздрава, да и некоторым специалистам в регионах казалось, что мы – великая нефтяная держава, зачем нам создавать что-то свое, мы лучше купим на Западе и будем покупать дальше. Но все оказалось не так весело. Сейчас мы сталкиваемся с последствием вот этих не совсем продуманных решений и стоим перед острой необходимостью в худших условиях к возврату, к созданию отечественной радиологической техники.

2009 год

Год очень бурный, страшный для меня в личном плане.

Это смерть Зои. Одновременно с этим в диком темпе работы по пуску радиологического блока и ПЭТа, смена власти в области, когда пришла известная группировка, на кон были поставлены и судьба диспансера, и моя, и области как образование территориально-политического. Во внешней среде это появление нового президента Российской академии медицинских наук: на смену предыдущего руководства академика Покровского, который уделил большое внимание развитию региональной науки, создавались региональные центры, в том числе Южно-Уральский научный центр РАН, где мне довелось поработать под руководством академика Юрия Михайловича Захарова, пришел Михаил Иванович Давыдов. И последующие пять лет я не помню ни одной сессии, ни одного пленума правления, ни одного поднятого решенного вопроса. РАМН приобрел черты авантюрной незаконченной организации, похожую на совсем раннюю ЛДПР. И тогда же, когда все ресурсы РАМН были переключены только на онкоцентры, каких-то шансов на развитие региональной науки, шансов на поддержку региональных учреждений и даже иллюзий у нас не осталось. И на пять лет мы остались без поддержки Академии наук. Благо, что в это время работал Владимир Петрович Харченко и ряд других специалистов, благодаря которым, наверное, нам и удалось сохраниться и сделать то, что было сделано. Вообще в эти пять лет был большой удар по российской науке, прежде всего, по науке провинциальной.

2010 год – год пуска радиологического комплекса и год жесточайших репрессий и унижений в адрес диспансера. И командой все это сделано. Никогда не забуду заявление тогдашнего министра здравоохранения Тесленко: «Слабая команда, никчемные люди. Когда я, наконец, перестану слышать эти слова «онкология», «радиология»?» Прошло немножко (2 года) – он перестал слышать эти слова. Но это совсем другая история.

В этом году началась моя новая семейная жизнь(

2012 год

Это год больших событий в жизни области и диспансера. Внедрение в широкую клиническую практику в 2010-2011 годах ПЭТа, киберножа, новых радиационных технологий, конфликт, подозрительная зависть со стороны руководства здравоохранения области и области в целом. Захват власти в регионе. Тогдашним руководством оголтелая пропаганда, оголтелая беспредметная борьба с очередями. И, наконец, эпопея с моим увольнением, со снятием с должности и последующими событиями, к которым, наверное, надо отнести арест Тесленко 30 октября этого же года. Большую травму для диспансера принес приход бездарного и неграмотного персонажа, который порядка года пытался руководить этой сложной структурой. Для обсуждения в деталях этих ситуа-

ций, думаю, что время еще не пришло.

2013 год

Резкое изменение политической ситуации в области, с одной стороны, с другой стороны, приход в Российскую академию медицинских наук Президентом академика Ивана Дедова создали совершенно иную ситуацию в диспансере, в службе. Одесский поворот на плюс, болезненные процессы с уродованием онкологической службы были закончены. В июне мне было предложено вернуться на свою должность. Временный персонаж ушел в небытие. Достаточно обидно, что не все мои коллеги, соратники, ряд которых я считал друзьями, выдержали это испытание. Часть из них тоже, увы, деформировалась и ушла в небытие. Хотя, наверное, такая зачистка каждому на каком-то этапе может быть и нужна. Не буду называть фамилии. Все их прекрасно знаете. Я вспоминаю свои беседы с одним крупным уголовным авторитетом, который говорил, что главное после какого-то проступка разобраться, оступился человек или скурвился. Эти скурвились. И, честно говоря, сожаления от расставания нет. Паразитирование никогда не доводило никого до добра. Мир с ними. Туда и дорога.

Перемены в Академии меднаук так же носили достаточно быстрый решительный характер. Существенно коренным

образом изменилось, приобрело осмысленное действие сессия Академии наук, дееспособным стал новый состав Президиума. И на грани крушения Академии как бы забрезжил свет для развития медицинской науки у нас в стране.

2014 год

Ельцин-центр

Будучи в Екатеринбурге, мы компанией докторов зашли в буквально свежееоткрытый Ельцинский центр. Мы были поражены тем техническим оснащением, которое мы видели, богатством павильона, богатством экспозиции. Но еще больше поразило, как жутким совершенно образом перевернута российская история.

Первое, что ты видишь, – попадаешь в кинозал, где в течение 10-15 минут идет фильм, который абсолютно полностью искажает российскую историю. Фильм великолепно сделан, имеет великолепное аудиосопровождение – все это выше всяких похвал, но трудно себе представить, что останется в мозгах у мальчишки или девчонки, не очень подготовленных, которые это видят впервые. Вся история России сводится к попыткам стать похожими на Запад, даже Александр Невский упоминается один раз, в связи с тем, что его из Новгорода выгнали за нарушение демократических правил правления. И обидно, что такая прекрасная актриса, как

Лиза Боярская, все это озвучивает.

Представлены, естественно, автомобили «великого демократа» – московский ЗИЛ, екатеринбургская «Чайка». На втором этаже совершенно ужасным образом расположено семь залов – «Семь дней» и светлый зал независимости России. На вопрос: «А вы что, собственно говоря, уподобляете Бориса Николаевича – Творцу? И то, что он творил, это сотворение мира?» – «Ну что вы так примитивно мыслите!» «Ну, как я примитивно мыслю? Что вижу – то и есть».

Поражает коллекция орденов Бориса Николаевича, «альтруиста и демократа». На фоне этих наград, к которым, в общем-то, я не знаю, какое отношение имел первый Президент России, такие как олимпийский орден, ордена Италии, Казахстана, в сравнении с этим Леонид Ильич выглядит как пенсионер, коллекционирующий значки. И так далее.

И должен сказать, что, наверно, посетить это место должен каждый, чтобы определить свою позицию по отношению к тому, что же пережила наша страна. Кто-то, может быть, будет в восторге от этой фигуры, но чем дальше идет история, тем больше мы понимаем, какой ужасный персонаж руководил нашей страной и какой колоссальный страшный вред был нанесен и, самое страшное, наносится до сих пор молодежи – искажением истории, искажением понятий вообще, что есть хорошо, а что есть плохо. Я полностью согласен с автором передачи «Бесогон», что это, безусловно, бесовское место и должно искореняться как бесовщина. Очень

интересно, что в таком городе, как Екатеринбург расположен этот бесовский Ельцин-центр. Там же совершенно ложный Храм на Крови, но это уже тема отдельной истории.

Поэтому, друзья мои, советую: сходите, и сделайте свой вывод, и определите для себя, с бесами вы или против них.

2015 год

Советский «лунник»

Будучи в этом году в Москве, не пожалел времени, получил колоссальное удовольствие от посещения на ВДНХ выставки «Советский Космос», где впервые был выставлен не макет, а реальный образец советского посадочного модуля на Луну, который, к сожалению, ни разу там с космонавтом не был. Было несколько испытательных полетов, были полеты с двумя луноходами и станцией, которая привезла лунный грунт. Удивительно, что эта замечательная машина столько лет простояла где-то в закрытом опечатанном помещении в МАИ и, наконец, была выставлена на обозрение.

Еще более удивительна судьба человека, который вызывает мое глубочайшее уважение, громадный интерес, но, к сожалению, с которым мне не довелось познакомиться. Это Алексей Архипович Леонов. Часть его биографии мы знаем – первый отряд космонавтов, полет на корабле «Восток-1», очень сложный выход в открытый Космос, но историческое

свершение. Следующее – это подготовка к полету на Луну, Гагарин должен был пилотировать орбитальный блок, Алексей Леонов должен был на этом самом посадочном модуле прилуниться, провести соответствующие эксперименты. Представляете себе разочарование человека, парня, который готовился к этому полету, который первый выходил в Космос, когда произошло закрытие советской лунной программы?

К сожалению, мы до сих пор и не знаем, как это, под каким мотивом это происходило. Тут можно много рассуждать, были или не были на Луне американцы, был или нет стовор между руководством стран. В принципе, все это допустимо. Но здесь – конкретный человек, который не полетел на Луну, который учился водить эту машину на земных полигонах. Затем был несостоявшийся полет на станцию «Салют-1» – замена экипажа по причине болезни Кубасова, которая спасла ему жизнь. И потом в качестве приза – полет в 1975 году совместно с американцами – известная программа «Союз-Аполлон», которая, конечно, имела громадное историческое, громадное политическое значение, но, наверно, с точки зрения науки и с точки зрения, скажем, амбиций Алексея Архиповича – это все-таки не то.

Это пример парадоксальной ситуации, когда человек известный, даже великий, все-таки волею судеб остался где-то неудачником. Но это не снижает наше уважение, любовь к этому замечательному космонавту, человеку и гражданину.

Красноярская ГЭС

Была очень интересная поездка в Красноярск в Красноярский онкодиспансер к моему другу, товарищу и соратнику Андрею Модестову. Естественно, помимо деловой части, организовали нам экскурсию на Красноярскую ГЭС. Это циклопическое, фантастическое сооружение, которое по масштабам многократно превосходит египетские пирамиды. Перегорожена громадная река, плотина подпирает фантастических размеров водохранилище, осуществляется сброс воды, это незамерзающая часть Енисея в течение всего года.

Но меня поразили две вещи: во-первых, замысел и проектирование плотины имели место в конце 1940-х – начале 1950-х годов, и потом уже в 1960-е годы состоялась сама эта громадная стройка. Представьте себе масштаб мышления людей в послевоенном Советском Союзе, израненном, с кучами нужд, – замыслить колоссальную плотину такого масштаба, колоссальные заводы по производству алюминия. А это все было увязано с развитием аэрокосмической промышленности, с созданием ядерно-оружейного комплекса.

В эти же годы под Красноярском строился Железногорск, это мощный комбинат, дублер «Маяка» по выработке оружейного урана и плутония реакторным способом. Многокилометровые шахты в горе, штольни, ядерный реактор. И парадоксы нашего времени – если в советское время, в 1960-е,

1970-е, 1980-е и 1990-е годы город Железногорск был абсолютно чистый, с избытком электроэнергии и тепла, потому что тепло шло от ядерного реактора, работающего на военные нужды, то с приходом демократии и закрытием завода реактор остановили, и сейчас, увы, город Железногорск испытывает дефицит тепла, топится грязным мазутом. И, скажем, это колоссальный шаг назад по сравнению с тем, что было.

Следующее, что меня поразило, что эта Красноярская плотина, которая строилась, без преувеличения, всей страной, всем народом – ехали комсомольцы, ехали вольнонаемные, вырабатывались громадные количества бетона, заливались в любую погоду, днем и ночью, при любых температурах, – и сейчас это частное предприятие. И мне так и не сумели внятно ответить: представим себе парадоксальную картину, что хозяин этой плотины захочет взять и просверлить дырочку в основании или спустить водохранилище – что тогда? Ответа внятного не было. И это действительно страшно.

Сначала интеллектуальные гиганты задумывали эти проекты, эти мегакомплексы, потом отнюдь не мегагиганты мысли их приватизировали, и неизвестно, неведомо, в чьих руках это находится. То, что создавали сотни тысяч людей, может оказаться в руках маньяка, в руках шизоида, в руках неуравновешенного человека, наконец, просто врага. И что за этим может последовать? Вот такие ощущения.

2016 год

Кольская атомная станция

Я уже где-то упоминал, что в течение всяких созывов мне довелось быть, исполнять обязанности члена Общественного совета Госкорпорации «Росатом». Но эта работа подарила не только много интересных встреч, много ценной информации – она позволила участвовать в специализированных турах, побывать, в частности, в Железногорске и на Кольской атомной электростанции, самой северной атомной электростанции в стране и в мире.

Вообще, посещение атомной станции впечатляет – когда ты видишь высочайшую технологию, высочайшую дисциплину людей, эти светящиеся интеллектом глаза молодых ребят, которые там работают, которые имеют такую сложную систему допусков, экспертиз, с тем чтобы управлять реактором. Это высочайший класс – по сути, может быть, капитаны атомных подводных лодок могут сравниться по степени ответственности. Кстати, надо сказать, что в аппаратном зале (это где-то, может быть, сродни военно-морскому флоту) никогда не бывает дам, дабы операторский состав не отвлекался на второстепенные вещи.

Так вот, что интересно, Мурманская область на 81% снабжается электричеством от атомных реакторов Кольской АЭС. Это, вообще, наверно, говорит, с одной стороны, о вы-

соком интеллектуальном потенциале жителей этого северного региона, и, наверно, это неудивительно, когда узнаёшь, какая промышленность, сколько промышленности там расположено. И там живут моряки флота, люди, которые эксплуатируют, в том числе, атомные ледоколы.

И, наверно, нужно отдать дань властям и руководству атомных объектов, которые сумели обуздать стихию без «зеленого» безграмотного безумия, которое, в частности, у нас в области затормозило, вернее, просто остановило, угробило процесс создания Южно-Уральской АЭС, и мы остались с тем, с чем остались, не получив эти высококласные технологические места привлечения высокоинтеллектуальных сотрудников. Хочется порадоваться за северян и огорчиться недалёкомыслием наших соотечественников южноуральцев и, наверно, слабоволием руководства области (а может быть, и недостаточной грамотностью), которое пошло на поводу у одиозных неграмотных людей. Кстати, все эти лидеры тогдашнего антиатомного движения работают сейчас далеко за пределами области, сделав себе политический и, видимо, не только политический капитал, в США, в Канаде, в Германии.

Очень хочется и хочется верить, что у нас в регионе не удастся этим оголтелым прослойкам маргиналов брать верх в решении сложных научно-технических задач. Кухарка все-таки не может управлять государством.

Ледокол «Ленин»

Одно из ярчайших впечатлений моей жизни – это посещение ледокола «Ленин» в порте Мурманска (будем соблюдать морскую терминологию). Ледокол был спущен на воду в 1957 году, задуман в 1953-м, т.е. представьте себе ту ситуацию: только развивается атомная промышленность, только испытана атомная и водородная бомба, угроза войны очень остро стоит. Развивается подводный флот. Академик Александров руководит созданием реакторов для, прежде всего, атомных подводных лодок. Именно такой реактор стоит на «Ленине». Первый стоит в Обнинске, на котором обучался и обучается персонал подводных лодок до сих пор и попутно выполняет функции первой мирной атомной станции, хотя мы должны помнить, что это, в общем-то, прообраз реактора для боевых кораблей.

Так вот, интервал между задумкой и сходом со стапелей ледокола «Ленин» составил всего 4 года. Сейчас специалисты, которые нас сопровождают, говорят, что меньше 12-ти лет никак не получается – сейчас, когда есть компьютеры, наработаны технологии, создана промышленность. Эта ужасающая современная бюрократия тормозит, давит все живое. Это страшно.

А ледокол даже сейчас составляет очень светлое представление. Гости, которые там были, – Гагарин, Фидель Кастро, Терешкова. Это действительно один из символов, причем очевидный, не ложный символ страны. Это же было при-

мерно в одно время – первый спутник, ледокол «Ленин», самолет Ту-104, самолет Ту-114, полет Гагарина. Это не ложная мишура, которую мы сейчас пытаемся выдать за символы, за гордость страны: какие-то олимпийцы, которые в чужих непонятных костюмах едут обрабатывать свои призовые деньги; это заевшиеся хоккеисты, футболисты с миллионными гонорарами, которые играют где угодно, за кого угодно. Увы, наверно, это реально говорит о деградации страны, о деградации наших достижений и мозгов. Но «Ленин» – это истинная гордость страны, истинный символ. Я очень рад, что удалось побывать там.

Попутно хочу заметить, что последнее атомное судно, построенное лет 15 назад, сухогруз «Севморпуть», простоял порядка 10 лет у причальной стенки, потому что не было заданий, не было работы в Арктике. И только сейчас по инициативе Шойгу развернули строительство военных оборонных баз в Арктике, и «Севморпуть» обслуживает эти стройки. Но за эти 10 лет стояния у стенки не только изнашивалось оборудование, происходила усталость металлов, – за это время без выхода в море деградировало, состарилось несколько экипажей, несколько поколений специалистов.

Вы представляете себе человека, который закончил сложный вуз, учился очень сложным вещам, пришел работать в специальность на пике современной науки на атомное ледокольное судно – и за всю свою карьеру ни разу не вышел в море? Разве это не достойно сравнения Шекспира, с его тра-

гедиями? Это страшно. И сколько таких потерь есть во многих отраслях науки и техники – прежде всего, и наиболее болезненные, конечно, в высокоточных и высокосложных. Жаль.

Смерть Фиделя

26 декабря 2016 года случилось событие, которое, увы, не нашло достаточно яркого освещения у нас в стране: умер Фидель Кастро, человек, который в течение многих лет был олицетворением молодости мира, справедливости, символом свободы, борьбы за независимость Кубы. Была создана совершенно необычная модель для мира, модель государства – республика Куба. Я очень рад, что мне удалось побывать на Кубе при жизни Фиделя и вскоре после его ухода.

Безусловно, это одна из самых ярких личностей XX века, самых ярких и, наверно, самых чистых – никто не может Фиделя упрекнуть в коррупции, личной нескромности. Очень мудро он поступил, завещав, чтобы в честь него не назывались ни улицы, ни пароходы, ни корабли, ни города. И похоронен он у себя на родине – в Сантьяго-де-Куба, далеко не туристическом месте, и туда заедут только люди, которых действительно интересует эта мощнейшая историческая фигура.

Фидель – это одна из ключевых фигур в Карибском кризисе. Конечно, если его ставить рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым, то последний неимоверно проигрывает ему.

Для меня до сих пор не открыта самобытность его политических взглядов – что это было? Латиноамериканская революция, латиноамериканское стремление к свободе, а Советский Союз – попутчик? Или, может быть, очень интересный социальный эксперимент масонов? Ведь в центре Кубы расположено куполообразное здание, на котором стоит символ масонов – развернутый циркуль. И Сьенфуэгос, и Че Гевара, и Фидель были масонами.

Я думаю, что истории предстоит еще разобраться, кем же был Фидель, к чему он стремился. Но в том, что яркость этой фигуры очень долго будет одной из первых величин на политическом и человеческом небосклоне, это не вызывает никаких сомнений. Вива, Фидель! Человек, перед которым хочется снять шляпу, кем бы, в конце концов, он ни был. Если даже вспомнить историю его болезни – он очень долго страдал раком толстой кишки, было несколько операций, долгая система реабилитации, осложнения. И кубинские медики не зря славятся на весь мир – без тех суперэлектронных технологий, которыми владеют те же американцы или германская медицина, такой тяжелый онкологический больной долгое время жил, активно работал.

И перед моими кубинскими коллегами так же хочется снять шляпу. Не зря в течение многих лет кубинская медицина по классификации ВОЗ (а Всемирной организации здравоохранения, в общем, Кубу-то любить не за что) признаёт эту систему лучшей, которая является наследником ве-

ликой советской медицины, в чем я убедился, побывав в этой стране, с глубоким сожалением отметив, что мы из наследия великой советской медицины, повторяюсь, многое утратили. Вива, Куба!

РАН. А виноват ли Фортов?

В силу известных обстоятельств пришлось быть наблюдателем и таким пассивным участником ситуации с выборами руководства академии РАН и выборов Академии. То есть, будучи членом-корреспондентом, я имел возможность присутствовать на съезде РАН, видеть все эти выступления и частично все перипетии, историю с отменами выборов, наблюдать трагедию великого ученого, великого физика, академика Фортова, которого административная система и политиканство, в общем, я считаю, подставили и во многом смяли.

Тут же хочется отдать должное Академии, академикам, их самостоятельности и ответственности. Несмотря на все перипетии, академик Фортов был избран академиком-секретарем Физического отделения Академии наук, самого мощного и самого авторитетного в системе Академии. Но все же — к вопросу «А виноват ли?»

Когда произошла известная ситуация и ряд чиновников претендовали и были выдвинуты на избрание в академики и члены-корреспонденты, и как бы виноватым оказался президент, я наблюдал систему выборов. Фортов, безусловно, ор-

ганизовал и реализовал эту очень сложную, жесткую, многоэтапную систему выборов и прохождения людей. Но как он мог отказать и не принять документы от людей, которые представили рекомендации, весь необходимый набор документов, подписанных крупными руководителями крупных и авторитетных структур нашей страны? Я думаю, что фамилии вы помните.

Это та ситуация, когда ученый вынужден заниматься политикой и чиновничьими функциями и, соблюдая полностью букву закона, вынужден был нарушить дух закона и допустить тот кризис, в который вошла Академии. К счастью для Академии и к мудрости руководства страны, спустя, правда, полгода, ситуация была исправлена – Академия вернулась к нормальной жизни, пройдя через столь же жесткую, но демократическую и объективную систему избрания президента; я думаю, с достаточно удачным исходом и самым удачным из возможных вариантов – претендентом.

Чубайс

Некоторое время назад в Челябинск приезжал руководитель корпорации «Роснано» Чубайс с целью выбора перспективных проектов для развития в системе корпорации нанотехнологии. Удалось послушать его выступление, кратко пообщаться. Безусловно, это личность, однозначно – личность. Хотя мне показались весьма спорными те проблемы, кото-

рые его корпорация ставила для отбора реализуемых проектов: за основу бралась не их социальная и научная значимость, а абсолютно голая коммерциализация.

Примером этого эксперимента являются ПЭТ-центры, Центры радиологии, построенные «Нанотехнологией» в Екатеринбурге, в Уфе и ряде других городов. Прибыль ради прибыли и всё ради прибыли. Наверно, это соответствует духу руководителя, одного из идеологов 1990-х, и с их позиции является рациональным. Но не думаю, что эти проекты могут принести серьезную пользу государству.

Если сравнивать персонажей – участников событий 1990-х годов, довелось несколько раз присутствовать на совещаниях с Кириенко, это человек из той же эпохи, но совершенно другого посылка – как мне кажется, не меньшего, а большего интеллекта; человек, который в кризисную ситуацию сумел сохранить «Росатом», придать ему импульс развития, не теряя при этом тех коммерческих ценностей, которые были заложены в Министерстве среднего машиностроения.

Судьба РАН

Я очень благодарен судьбе, что довелось общаться и пользоваться покровительством очень мощного, не побоюсь сказать, великого ученого – академика Евгения Николаевича Аврорина, общаться с ним, получить от него рекомендацию для избрания и в члены-корреспонденты РАН, и в академи-

ки РАН. Человек – Герой Социалистического Труда, кавалер множества орденов – Ленина, Октябрьской революции, Ленинских государственных премий.

В период кризиса РАН, будучи достаточно больным человеком, даже очень больным человеком, он со мной, фактически по академическим меркам с мальчиком, обсуждал перспективы Академии наук, перспективы, сильные и слабые стороны кандидатов на пост президента Академии наук, будущее, ценность Академии. Никогда не забуду этих бесед и того настроения, того интереса, которые этот человек вкладывал в эти разговоры и рассуждения. Понятно, что возраст и болезнь не позволяли ему рассуждать категориями в 5, 10, 20 лет, но все равно этот интерес ученого, интерес специалиста к судьбам отечественной науки, к судьбам родной Академии потрясал. У него загорались глаза, проявлялась мощь в голосе.

Вот такие люди делали советскую науку. Я очень рад, что Евгений Николаевич встретился в моей жизни, сыграл существенную роль и очень здорово меня подпитал. Евгений Николаевич, большое вам спасибо!

К главе «Страсти по Академии»

Еще один вывод, который можно сделать: то, что люмпен и улицу нельзя допускать к таким деликатным сферам, как судьбы науки, судьбы академической науки. Академия наук

и кухарка несовместимы.

2017 год

Герой СССР, полковник, монах Масленников

На юбилее Челябинского высшего авиационного училища штурманов (впрочем, как к этому уже можно привыкнуть, не сильно широко освещенного прессой, это же не юбилей команды «Трактор» или какого-нибудь подобного другого балагана) присутствовал очень интересный участник, это не гость, рослый человек в монашеской рясе и со звездой Героя Советского Союза на груди, один из последних героев СССР, летчик, полковник Масленников, получивший свою награду на излете Советского Союза во время службы на Дальнем Севере.

Интересная судьба, и это интересное сочетание – «Звезды Героя» и рясы и офицерской выправки, впечатление, что погоны буквально видны были из-под рясы. Глаза молодых ребят, которые смотрели на этого человека, его легкое общение с окружающими, душевная открытость и, в принципе, отсутствие интереса со стороны общества к этому феномену, что это за человек, что это за личность, что за подвиги он совершил и совершает.

Надо сказать, что он, так же как и Маресьев, лишился обеих ног, передвигается на протезах, что само по себе являет-

ся большим телесным и духовным подвигом. И очень обидно, что подобные люди и подобные герои остаются где-то за кадром или на окраине общественного внимания. Конечно, повезло тем, кто общается с ним напрямую, кто может видеть человека, это знать, но при том вакууме духовности у нас в обществе, который есть, это непозволительная роскошь – разбрасываться такими людьми, разбрасываться их духовным богатством.

Байконур

В апреле 2017 года довелось осуществить давнюю мечту – побывать на Байконуре и наблюдать реально без телевизора запуск пилотируемого корабля с 51-й, 52-й экспедиций на станцию «Мир». Надо сказать, что идеологом, организатором этой поездки была Карина Бердичевская – блестящий организатор и вдохновитель многих наших безумных идей. А в качестве попутчиков была Виктория Сахарова с супругом. Бросок в 1600 км был осуществлен по земле на автомобиле до Байконура, что само по себе очень интересно увидеть Казахстан без прикрас, увидеть вот эту громадную длиннющую дорогу. И, конечно, потрясающее впечатление произвело, когда мы около пяти утра на рассвете увидели дорожный знак «Байконур» и въехали в небольшой поселок прямо перед КПП. Контрасты, конечно, разительные. Мы остановились и, pardon, очень была большая нуж-

да опорожнить мочевого пузыря по утру. Рядом было что-то типа автовокзала. Стояли автобусы, уже толклись люди, были какие-то лавочки с едой. На вопрос «где здесь туалет?», «да вон за угол заходи и пожалуйста». В общем, что мы и сделали. В город нас запустили только в 8 утра, поскольку пропуск был с этого времени. Удивительное сочетание легенды, следов 90-х годов, взлетов в Космос и запущенности. По сути, в городе две главные улицы: проспект Королева, на который мы въехали, упирается в Сырдарью, под углом в 90 градусов поворачивает направо и пересекается с проспектом Абая. Раньше это был проспект Ленина. Почему Абая никто не знает? Абай тут никогда не был. И скульптура, достаточно большая и помпезная уважаемого Акына выглядит довольно нелепо в городе Ленинск на Байконуре. В районе пересечения расположена знаменитая гостиница, кафе «Космос», которые посещают все посетители Байконура, все космонавты, все политики. Мы, естественно, на следующий день не преминули этого сделать. В самом городе наряду с достаточно продвинутыми районами есть места просто запустения, но, слава Богу, не разрухи. Дело в том, что к пику программы «Энергия – Буран» в городе было свыше 160 тысяч человек. Сейчас осталось меньше 70-ти. Но нужно сказать, видимо, сказалась подчиненность Минобороны и порядок. Нет, как в других городах Казахстана, заброшенных домов. Это общежития, жилые дома образца 60-70-х годов, все аккуратно законсервировано, двери, окна заложены кирпичом, но в

целом производит гнетущее и достаточно тяжелое впечатление. Из очагов цивилизации недавно открытый новый кино-театр, где на удивление идет какая-то американская дребедень и на достаточно вторых ролях фильм «Время первых», который здесь бы смотрелся абсолютно уместно.

Говоря об облике города, нельзя пройти мимо памятников, которых для такого маленького города не мало. Но для масштаба событий, которые здесь происходили, отнюдь, не много. Это, прежде всего, конечно,obelisks, посвященные главным конструкторам, генеральным конструкторам – Королеву, Глушко и остальным. Впечатляет на проспекте Королева установленная под углом, будто бы взлетающая ракета «Союз». Первоначальная идея была поставить ее вертикально, но тогда бы нарушались условия секретности – она была бы видна с железной дороги. Поэтому нашли вот такой компромисс. Недалеко от КПП есть классическая советская группа первостроителей, которые там чего-то делают. Сопровождающий обратил наше внимание, что в отличие от многих советских скульптурных групп там только мужчины и все одного роста и одной комплекции. Оказалось, что существует легенда. Но, судя по всему, не легенда, а нечто близкое к реалии. Когда был какой-то юбилей, Байконур был еще абсолютно воинской частью, поступил приказ – надо что-то сделать в память первостроителей. Поручили начальнику строительства это сделать. Он был строитель и никакой не скульптор. Помаявшись, нашел оригинальное техни-

ческое решение – выписал бочку солидола, машину цемента. Развели цемент. Его обмазывали солидолом. Потом обкладывали цементом. Цемент быстро застывал на солнце. Снимали эту скорлупу, делали гипсовую отливку. Вот так получилась скульптурная группа из нескольких мужиков одинаковой комплекции, стоящих в разных позах. Нечто похожее касается и знаменитого обелиска «Гагарин в скафандре, шлем в руке». Оказывается, тоже к юбилею полета Гагарина было поручено сделать нечто символическое. Вызвался некий парень – солдат срочной службы, который за отработки был выгнан из художественного училища. Два года он работал, за что получил дембель в первую очередь. И остался очень трогательный обелиск, известный по многим фотографиям. Но несколько удивляет, хотя уже все привыкли, что голова у Гагарина несколько меньше по отношению к туловищу. Оказывается, когда ставили нормальную голову, она упала и разбилась, а сроки приближались и взяли вот эту маленькую с макета. Но, тем не менее, на фоне скафандра смотрится хорошо. А, самое главное, не давит величавостью, а смотрится очень органично и хорошо. На площади перед ним ребята катаются на самокатах, тем не менее, относясь с уважением к самому обелиску, это несколько не нивелирует его значимость.

Особняком стоит относительно недавно открытый мемориал, посвященный сотрудникам Байконура – конструкторам, которые погибли при пуске ракеты Р-19, где погиб мар-

шал Неделин. Гнали к 7 ноября, работали день и ночь, нарушая всевозможные правила. Неделин свой командный пункт вынес на стартовый стол. И неожиданно включились на заправленной ракете двигатели второй ступени. Весь пусковой расчет огненной струей снесло, как опаленных муравьев, взорвалась первая ступень. И все, кто находился на площадке, безусловно, погибли. Генерального конструктора спасло только то, что он тоже в нарушении правил отошел закурить за капонир. Хрущев позже ему говорил: «Вот если бы погиб, мне было бы проще решить, что с тобой делать». Ситуация была засекречена. Но есть один очень важный нюанс, что наутро после катастрофы на площадку прилетел секретарь ЦК КПСС, ответственный за военные и ракетные дела, Леонид Ильич Брежнев. Маршал Неделин был его личным другом. И он участвовал непосредственно в разборе тел, в работах на стартовой площадке, где еще где-то были остатки гептила и вообще неизвестно что было. Этот человеческий шаг, безусловно, говорит в пользу высоких человеческих качеств этого политического деятеля в ту эпоху, когда он был физически активным молодым мужиком. Хочется снять перед Леонидом Ильичом шляпу.

У нас был хороший допуск на пуск. Утро началось очень рано. И нас привезли в знаменитую гостиницу «Космонавт» в городке, отгороженного от остального города, то есть еще более закрытого, чем сам городок. «Ленинск» – знаменитая гостиница, где космонавты проходят обсервацию двух-

недельную перед полетом. Мы это все неоднократно видели по телевизору. Но, тем не менее, воочию, конечно, мурашки бегут по коже. Вот эта знаменитая аллея, где посажены деревья, начиная с Гагарина и всеми последующими космонавтами в момент пуска. Аллея уже дошла до Сырдарьи и развернулась вправо и влево. Безусловно, особое отношение к деревьям Гагарина, Леонова, Терешковой, Комарова и погибшему экипажу «Салюта-1» – Добровольский, Волков, Пацаев. Люди давно уже погибли, а деревья растут и выросли уже в достаточно большие мощные растения. В положенное время видно, что в отели происходит некая суэта, такая, в принципе, организованная. Подошли два автобуса: один для дублеров, один для основного экипажа. Вышли экипажи в сопровождении врачей и специалистов, разместились в автобусах, семьи пустили только к стеклам. И вот тут чувствуешь, что это все всерьез, это не перелет на самолете из Челябинска в Москву, к которому мы привыкли. Это серьезное действие и люди сейчас, сидя на нескольких сотнях тонн взрывчатки, поднимутся в небо на пламени от управляемого взрыва. Экипаж поехал своей дорогой, мы поехали сами к монтажно-испытательному комплексу уже непосредственно перед пусковой площадкой. Наряду с величием и мощностью поражают ржавые потоки на стенах. Как-то это нехорошо. Это является большим контрастом с теми ярмарочно украшенными спортивными сооружениями на Олимпиаде и то, что сейчас делается к Чемпионату мира по футболу.

И уж, во всяком случае, для технологий посерьезнее хоккея можно было как-то найти средства и на это. Площадка, на которую выходит экипаж, расчерчена, видимо, во времена очень давние. Ближе к зрительской трибуне (не зрительской, а там где посетители) два квадратика ГК и ПК – генеральный конструктор и председатель комиссии, а напротив три квадратика: командир корабля (КК), бортинженер (БИ), космонавт-исследователь (КИ). Проходит раппорт, достаточно деловой и будничный, уже в скафандрах, экипаж и дублирующий экипаж, заходят снова в автобусы и отправляются на пусковую площадку, которая расположена в нескольких километрах отсюда.

Мы поехали следом за ними. У нас площадка была очень хорошая – самая ближняя на расстоянии 1 км 200 м. Ракету видно хорошо. Транслируется отчет времени до пуска. Рядом часть людей, таких как мы, гостей, часть – участников пуска. В частности, Геннадий Крикалёв, руководитель пилотируемых полетов Роскосмоса. Довелось с ним познакомиться, поговорить. Вот здесь академическое удостоверение сработало в полный рост. Вот прошла команда «пуск», еще несколько секунд – появились клубы дома, грохот, и ракета пошла. Конечно, это потрясающее зрелище! Ради этого стоило ехать больше 1,5 тысяч километров. Весь видимый полет длится 110 секунд. Но никто не расходится, пока не пройдет отчет до конца, и на 600 секунде не прозвучала информация, что есть разделение с третьей ступенью, объект выведен на

орбиту. А вообще все звучит почти как по телевизору: 10 секунд полет нормальный, 60 секунд отделение блока в первой ступени, 150 секунд – остановка двигателя второй ступени и отделение второй ступени. Ради этого стоило ехать!

Отдельного внимания заслуживает музей, расположенный рядом с летной площадкой. Раньше это был офицерский клуб, но постепенно трансформировалось, разрослось и превратилось в музей. Представлены образцы техники, стоит многострадальный «Буран», оснащенный для полета с экипажем. Первый летал и в автоматическом режиме. А этот был готов к экипажу. Но, к сожалению, так ни разу и не слетал. Ряд других очень интересных образцов, интересные материалы по программе «Спираль» – это первая возвращаемая пилотируемая программа.

Здесь удалось познакомиться с Виктором Савиных, легендарным космонавтом, дважды героем Советского Союза, человеком, который оживлял станцию «Салют-7». Кстати, книжка, написанная им, значительно интереснее и, если хотите, доброкачественнее, чем фильм, который вышел несколько позже. Поражает насыщенность материалов, экспонатов, но которые находятся внутри на полигоне и не представлены широкой публике. Я думал, что если бы до перестройки система космических и атомных исследований была бы несколько более открыта, то, наверное, перестройка не имела бы столько катастрофических последствий и наши

наука и образование не были столько резко и низко опущены различной швалью и проходимцами. Для того чтобы это понять, стоило на Байконур поехать. Безусловно, это подвиг советского народа, подвиг наших современников.

Возвращаясь к технологиям, интересно вот что: между городом и площадкой были построены железнодорожные пути и рабочих на площадке, расчеты возили на паровозах. Эти паровозы сейчас стоят в качестве памятников. Параллельно паровозы использовались для отопления городка, который только начинал строиться. Я уже говорил раньше о технологиях. Более простые технологии создавали передовые. С помощью паровозов строили стартовые комплексы и ракеты, и так далее. Сейчас мы передовые технологии используем неизвестно для чего, для очень примитивных вещей: на ракетах возим туристов, сверхсложные и совершенные самолеты используются в основном только для перевозки туристов погреть зимой косточки, а смартфоны и компьютеры чаще всего используются как игрушки. Увы, реалии нашего времени. Это касается не только России, но и всего мира.

Парадокс приоритетов

В 2017 году почти совпали две даты. 70 лет Государственного ракетного центра, одного из крупнейших предприятий «Роскосмоса», занимающегося реализацией крупных оборонных программ, работающего в области граждан-

ского космоса, в частности, создания российского многоразового корабля; имеющего славное прошлое, блестящее настоящее, очень перспективное будущее. Волнующий праздник для коллектива, для космической отрасли и, казалось бы, для Челябинской области.

Однако у юбилея, который прошел очень торжественно, с большим количеством высокопоставленных, значимых гостей из научного, технологического, военного мира, присутствовавших на предприятии, практически не было освещения в средствах массовой информации нашей области, у этого, повторяю, открытого мероприятия. Оно прошло практически незамеченным для большинства жителей региона, хотя именно этим предприятием нужно гордиться – как за прошлые достижения, так и за то, что оно сохранило свой потенциал в сложный критический период 1990-х годов и успешно развивается сейчас, сохраняя обороноспособность и государственность нашей страны, и смело, широко шагает в будущее.

Примерно в это же время было 70 лет команде «Трактор». Я не скрываю свою нелюбовь к этому социальному явлению, как профессиональный хоккей и футбол у нас в стране, но, однако, даже меня поразил контраст – на юбилее всего-навсего спортивной команды была куча представителей прессы, это событие освещалось по всевозможным каналам как, наверно, главное событие региона.

Мне кажется, что это тупиковая ветвь, очень опасная. Мы

с чем хотим остаться? С высокотехнологическим производством, с коллективом ученых и творцов или с наемными хоккеистами, среди которых вообще настоящих челябинцев-то и нет? Какое будущее ожидает регион, который ставит перед собой такие приоритеты? Мне было стыдно и страшно за земляков.

Музей Сталина

В 2017 году мне довелось посетить Грузию, но должен сказать, что до этого я в Тбилиси не был и был, собственно, неоднократно не в Грузии, а в Абхазии с родителями, школьником, в дошкольном возрасте на курортном побережье. Конечно, это немножко не то, что Грузия континентальная, да и, собственно, не Грузия вообще.

Очень интересная парадоксальная поездка, множество интересных впечатлений. Все началось в аэропорту. Дело в том, что в Тбилиси работают несколько моих диссертантов, ребят, которые у нас учились, с которыми сохранились прекрасные товарищеские и профессиональные отношения, но, тем не менее, страна, в которой нет даже российского посольства, вызывает, мягко говоря, некие опасения, но вместе с тем колоссальный пассажиропоток, удивительно. Русский язык в ходу.

Выйдя из самолета, (далее, естественно, контроль паспортов), я в нашей небольшой группе оказываюсь послед-

ним. Вижу, девушка пограничница посмотрела паспорт, куда-то позвонила, отложила его, еще куда-то позвонила и стала заниматься своими ноготочками. Меня берет зло, я думаю: «Господи, отпустила б меня, я последний, и занималась бы своими девичьими делами, наверное, очень важными для нее».

Вдруг слышу, сзади приближается человек и с таким выраженным грузинским акцентом говорит: «Андрей Владимирович?» Я говорю: «Да». «Важенин?» «Важенин». «Пройдемте». Естественно, у меня эмоции возникают не самые приятные. Я говорю: «А, собственно, в чем дело?» «В чем дело, в чем дело? Майор Кардава, муж вашей диссертантки. Приказано найти, взять и предоставить к Тамоне. Внизу уже все ждут с цветами, а в номере ждет ящик вина, чтоб по барам не бегали». В общем, такая интересная, смешная встреча, очень теплая. Много впечатлений.

Одно из самых ярких – это поездка в Гори на родину Сталина, посещение музея Сталина. Определенная гримаса истории. Инициатором строительства, создания музея был Лаврентий Берия, который в 1930-е годы был секретарем ЦК Грузии и который, собственно говоря, создал современную Грузию, поручив разведке привезти семена и саженцы чая, цитрусовых, изменивших совершенно коренным образом сельское хозяйство и вообще хозяйство; организовавший строительство этой серии санаториев, которые позволили освоить южные берега, университетов и институтов, кото-

рые вывели грузинский народ в число наиболее образованных народов Советского Союза.

Потом в процессе перестройки и постперестроечных катаклизмов, которые достались на долю грузинского народа, музей претерпевал гонения частично, очень сокращена была экспозиция. Но меня поразило вот что: экскурсоводы, которые водят экскурсии в таком значимом для любого советского человека, их неподготовленность (как бы кто ни относился к фигуре Сталина и к той эпохе, он – фигура историческая), экскурсоводы, которые заявляют, что Берия был фельдшером. Абсурд полный, тем более – грузин. Берия был архитектором и достаточно талантливым и опытным. Сводить его до уровня фельдшера, хотя я сам медик, совершенно недопустимо.

А кругом, вокруг музея, обычный провинциальный грузинский городок, фундамент от снесенного достаточно недавно памятника Сталина, но все равно есть ощущение, оно сохранилось, что ты прикасаешься к истории, прикасаешься к чему-то великому.

Очень бы хотелось, чтобы на территории нашей страны история не переписывалась под каждым дуновением ветра и зигзагом внешних влияний, а все-таки оставалось что-то настоящее и действительное, и гримас этих было бы поменьше.

2018 год

Не так давно мы миновали эту дату исторической личности. Я думаю, что как многие гениальные масштабные личности неисчерпаемы, так и Королев неисчерпаем.

Так, в истории космонавтики есть достаточно малоизвестный факт, касающийся запуска первого спутника. То есть многие земляне и у нас в стране, и за рубежом, наблюдали яркую звездочку, которая летела по небу, полагая, что это спутник. На самом деле это был вовсе не спутник, а это была третья ступень ракеты, на которой Королев, видимо, предвидя тот эффект, который вызовет полет спутника, а может быть, для облегчения задачи наблюдения за ним, закрепил большое количество зеркал, собственного говоря, которые и сверкали. Это притом, что советская пресса и руководство страны осознали значимость полета первого спутника не 4-го числа, в день запуска, а только 6-го, когда вся мировая пресса гремела по этому поводу.

Первый спутник совершил 1440 оборотов вокруг Земли, пробыл в Космосе всего 3 месяца и 4 января сгорел. Американцы, которые 6 декабря 1957 года пытались запускать свою ракету, «Авангард TV3», потерпели неудачу – произошла катастрофа, ракета приподнялась над стартовым столом и упала, а Вернер фон Браун, который в то время был еще в тени, воспользоваться этой бедой, чтобы дать ход своей программе.

И 1 февраля 1958 года его ракета «Юпитер» вывела на орбиту небольшой спутник «Эксплорер-1» весом всего восемь с небольшим килограммов, на котором был, кстати, впервые установлен научный прибор. Прибор был изготовлен Джеймсом Ван Алленом. И был обнаружен радиационный пояс вокруг Земли, который был назван радиационным поясом Ван Аллена. И этот спутник проработал до марта 1970 года. Фантастика.

Второй спутник американцы запустили 17 марта 1958 года. Что интересно, за день до моего дня рождения. Может, поэтому интерес к космосу, к науке у меня есть. Это был тоже «Авангард-1», ракета-носитель, которая, наконец, удачно стартовала. Это был шарик небольшого диаметра, всего 163 мм и массой в 1,5 кг. Внутри был передатчик и солнечная батарея. Благодаря солнечной подпитке он передавал до 1965 года и обнаружил выпуклость Земли по экватору. То есть надо отдать должное, что хотя мы первые спутник запустили, но первые научные данные, кроме самого факта о возможности пребывания в Космосе, принадлежат все-таки немцам.

Так вот, возвращаясь к «Авангарду», передавал сигнал он до 1965 года, а существует и летает где-то там до сих пор, потому что орбита получилась очень высокая – от 65 до 3800 км.

Вот такая история покорения Космоса и интересные факты о первом спутнике. А академику Королеву, безусловно,

слава.

2000-й и 2017-й

Наверно, у каждого из нас есть определенные фетиши – даты, за которые хотелось бы заглянуть, увидеть: а что там, за горизонтом, что там? Для меня это были две даты: 2000 год, наверно, как для многих, даже для большинства людей нашего поколения, и 2017-й. Страшно интересно было для мальчика, воспитанного на классической мировой и советской фантастике, увидеть, как будет развиваться XXI век, что там произойдет и что же будет после столетия Октябрьской революции и в год столетия Октябрьской революции.

Увы, это большое разочарование: ни после 2000 года ничего особенного не произошло – пришел этот год, и жизнь покатила без полетов на Марс, без освоения Луны, без контактов с инопланетянами, прогресс пошел в сторону достаточно малопонятную, и жизнь поменяли не полеты на Марс и атомная энергетика в быту, как могло и, наверно, должно было быть, а смартфоны, персональные компьютеры, применяемые для абсолютно утилитарных, чаще всего, примитивных целей. И 2017 год, который не принес ни ответов, ни оценок, ни чувства эпохальности. Так получилось.

И, к сожалению, у меня в жизни больше таких дат, за которые хотелось заглянуть, увы, не осталось.

А об этом можно поспорить и задуматься ...

Второй закон термодинамики

Это, наверно, один из самых важных и самых загадочных физических законов, которые объясняют существующий мир, мир, в котором мы живем. Закон, который объясняет теорию Большого взрыва, по сути, подтверждает наличие акта творения и наличие той силы, которая противодействует энтропии и создает первичный запас энергии, которая потом расходуется. Именно этот закон объясняет наличие силы, двигающей эволюцию, поскольку, если вставать на позиции классической физики, то единственный путь материального мира – это деградация и распад после Большого взрыва. Это закон, который, по сути, подтверждает наличие Бога или той силы, которая выполняет эту функцию.

Если читатель забыл это из курса физики средней школы, очень советую вернуться. Вообще, классические физические законы очень мудры и глубоки, и надо периодически в разном возрасте их вспоминать – законы термодинамики, законы механики Ньютона. Это очень важно для правильного миропонимания и для того, чтобы отделять зерна от плевел, что есть наука и что есть разум, и что есть лженаука, ложь и бесовщина.

Медицина – это таинство

Очень много в последнее время в прессе появляется сообщений, фактически даже целое бизнес-направление, – это осуждение врачей, суд над врачами, кликушество – удары, которые могут нанести, в том числе, и смертельные раны самому врачебному сообществу. Ужасно и страшно, когда люди, не понимающие сути, не имеющие каких-то представлений о предмете, пытаются судить часто со страниц прессы, с экранов компьютеров и телевизоров о медицине, о врачебных ошибках и о прочих очень-очень серьезных вещах.

Медицина всегда была таинством, и недопустимо выносить на суд улицы эти вещи. Я очень хорошо помню, лет несколько назад, когда в Челябинске женщина, беременная, асоциальная, ведущая асоциальный образ жизни, умерла от гриппа. Тогда только поднимался Малахов. Наши врачи, наши инфекционисты поехали на эту бесовскую, кликушескую передачу, и один из участников мерзкого шоу кричал: «Вот вы приезжали три раза, она отказывалась от госпитализации, а вы на коленях перед ней должны были стоять!»

Никогда врач не должен вставать на колени. Ключевое слово – медицинская помощь, но ни в коем случае не медицинская услуга. Врач приезжает, приходит, прилетает для того, чтобы оказать помощь, но не оказывать услуги. Относиться нужно к нему как к носителю знаний, которыми, как правило, не располагает пациент, не располагают те, кто пытается судить медицинских работников.

Очень опасная тенденция, что сейчас даже в Следственном комитете введен предмет при переподготовке следователей «Разборка с медицинскими делами». Мы прекрасно знаем, что законы бюрократической машины, системы обязательно повлекут за собой действия – раз есть подготовка, значит, должны быть и дела, должны быть следствия. Людям обязательно захочется показать свою компетентность. Это страшные тенденции. Мы можем уничтожить и так очень раненую систему здравоохранения.

Повторяю, медицина – это таинство, и улице делать в разборе медицинских проблем и медицинских трагедий абсолютно нечего. Со мной, конечно, не согласятся, но я стою на той стороне, которая противостоит кликушеству и «обывдливанию» наших мозгов.

Медицина – таинство и для улицы неприкосновенна.

Видеоконтроль. Старший Брат наблюдает

Несколько лет назад, когда академик Юрий Михайлович Захаров был еще с нами, случилась такая история. Проходили госэкзамены, и с достаточной помпой в прессе, в общественности как достижение подавалось то, что госэкзамен студенты Мединститута проходят под видеонаблюдением. Юрий Михайлович был страшно возмущен этой ситуацией. «Это, – говорит, – что же за такое? То есть, получается, что руководство, в конечном итоге, и страны подозре-

вает, что я, академик, мои студенты, которые сдают госэкзамен, будущие врачи, которым мы через несколько лет вручим жизни, и свои в том числе, мы что же – априорно все жулики, которые только и думают, как бы словчить на экзамене, воспользоваться шпаргалкой, а я, значит, вроде того, что этому потворствую?!»

Меня очень зацепило это высказывание. Ведь действительно так. Смотрите, когда говорят о правилах движения каких-то, контроле в медицине, подразумевается действительно, что большинство из нас жулики и за нами нужен глаз да глаз. Достаточно оскорбительная позиция, и у меня, вообще-то, не вызывает восторг. Эти полицейские, видеоконтроль на ЕГЭ. В конце концов, кого мы воспитываем? Поднадзорного человека, которому даже без его задней мысли вталкивается в голову, что он может жульничать, его в этом подозревают, или гражданина? Мне кажется, что это не сочетается с воспитанием гражданина, а уж интеллигента – тем более. Абсолютно прав был Юрий Михайлович.

Герои нашего времени

Есть на территории Челябинской области подразделение Гохрана, где хранятся очень серьезные, может даже и главные, ценности нашей страны в виде золота, драгоценных камней, слитков, ювелирных изделий и много, много, много чего. Объект этот очень сложный, очень интересный, очень

тщательно охраняемый, построенный в 1950-е годы как место, где в случае глобального ядерного конфликта можно было бы сохранить запасы, ценности страны, то есть, по сути, один из главных кошельков, но и вообще как бы спрятать от алчных, загребущих рук людишек, которые всегда стремились пробраться туда, где пахнет золотом.

Объект строился очень сложно, в течение 10 лет. И до сих пор есть место, очень скромный домик, где жил генерал Кравченко Виталий Александрович, который руководил стройкой и созданием объекта. До этого он занимался строительством в Норильске, наших атомных городов. Но, к сожалению, широкой общественности это имя неизвестно, известно узкому кругу, кругу людей, который с каждым годом постоянно суживается. А надо бы, вообще, память о таких людях увековечивать, вносить в историю. Я не нашел этой фамилии ни в музеях Златоуста, ни в музеях Миасса, ни где-то в Государственном историческом музее Челябинской области и Южного Урала.

Очень жаль. Героическая биография. Человек, который жил для Родины и умер на этом объекте тоже для Родины. Вот на таких героях надо воспитывать, рассказывать историю о нашем крае, показывать нынешнему поколению настоящие, истинные ценности.

Туркестан

Есть в Средней Азии, в Казахстане, город Туркестан – духовно-мусульманский центр Казахстана и, в общем-то, наверное, Средней Азии, город с громадной историей, родина крупных военачальников. Во время его посещения очень интересные были встречи. Город святой, поэтому считается, что мы пришли туда в хадж. В качестве добровольного гида и сопровождающего был, естественно, Насрулла Шаназаров, профессор Шаназаров. Мы пришли домой к его родственникам. Были задернуты шторы, подана водка в чайниках, потому что хоть и хадж, но гневить Аллаха нельзя, т.к. гостей встретить надо. Это удивительная черта казахского народа так обходить запреты.

Собственно говоря, эта часть – это очерк, наверно, не об этом. Наряду с великолепными памятниками культуры меня поразило вот что (тоже, наверно, памятник культуры) – это бани, общественные бани, которые непрерывно работают 800 лет. Вы можете представить себе? Это, наверно, говорит об уровне культуры, гигиены людей, когда в городе, при дефиците вокруг лесов и всего прочего, 800 лет без перерыва работает баня, баня общественная, баня общедоступная. Наверно, такие простые вещи лучше, может, многих памятников говорят об уровне культуры народа и цивилизации.

Эстафета

Говоря о спорте – у меня вызывает интерес, глубокое ува-

жение, пожалуй, эстафета, как символ вообще развития жизни – что только на протяжении поколений, только командой, только коллективом можно двигаться вперед и можно что-то выигрывать. Меня завораживает эта картина, когда люди работают вместе, люди передают эту эстафетную палочку, которая, на мой взгляд, является символом преемственности и коллективности. Это вид спорта, который вызывает уважение.

Для чего нужна наука?

Вопрос кажется абсурдным, но мне кажется, он не так абсурден, как кажется. Давайте посмотрим эволюцию развития технологий. Мне кажется, где-то на уровне 1970-х – 1980-х годов произошел определенный излом. Если брать писателей первой научно-технической революции – Жюль Верна и так далее, – все шло по восходящей, одни технологии рождали другие технологии: появление кораблей, географические открытия, создание торговых путей, появление новых материалов, энергетики, самолетов, ракет, атомной бомбы, наконец. И каждая технология рождала более высокую технологию.

Что мы получили где-то с рубежа 1980-х годов? Посмотрите: великолепные мощные самолеты, гениальные по своей технологии, в основном не решают какие-то научно-производственные задачи, а перевозят туристов погреть косточки

в теплых краях, денежных туристов. Наверно, это хорошо, но целая отрасль и такой слиток человеческого ума и гения служит этой задаче. Посмотрите наши смартфоны, которые по мощности в десятки раз, а может, даже и в сотни, я тут не очень хорошо разбираюсь, превосходят компьютер, с помощью которого американский посадочный блок доставил Армстронга с командой на поверхность Луны. Для чего они используются? Ведь девять и девять десятых в периоде – это пустая болтовня, сообщения о покупках, ни о чем, обсуждения хоккейных матчей и всякой такой ерундистики.

Посмотрите прогресс телекоммуникационных сетей, телевидение, кино – это не служит прогрессу, это служит удовлетворению часто достаточно примитивных и низких потребностей. Если раньше сплетничали на скамейке у подъезда – сейчас сплетничают по смартфону. Если раньше путешествовали ради открытия новых миров – сейчас, повторяю, эти мощные, колоссальные «птицы» возят ленивых, нелюбопытных, малообразованных обывателей, для того чтобы удовлетворить свои амбиции, любопытство, на другой конец света.

На этом же рубеже остановилось активное развитие Космоса, остановилось активное развитие космонавтики, остановилось активное изучение недр океанов, цивилизация стала на путь оголтелого потребления и самопожирания. Это, вообще, достаточно страшная тенденция, при таком раскладе мы через какое-то количество лет можем остаться без уче-

ных, без инженеров и без технологии – мир будет состоять из тусовщиков и хоккейных болельщиков. Это очень грустно и очень страшно, на самом деле.

Тут хочется согласиться с президентом Трампом, который недавно высказал идею, что на Марс лететь надо; надо взять это как национальную идею и полететь на Марс, а там и посмотрим, что с этим делать. Ведь пассажиры «Мейфлауэра» не знали толком, что они будут делать в Америке, что они там найдут, но они знали, что это новые земли, новый мир и ехать туда нужно.

Давайте все-таки думать о полетах на Марс, а не о том, как мы это капитализируем и что там будем делать. Не увидев, мы и узнать не сможем, что же там есть и что мы получим. Но мне кажется, что сам социальный опыт, сама идея организации полета на Марс – это может быть само по себе величайшим, колоссальным достижением человечества.

Давайте полетим на Марс. Или хотя бы на Луну.

Все относительно

Пришлось быть свидетелем одной очень интересной жизненной ситуации в одной из поездок в Ближнее Зарубежье, как сейчас называется, точнее, в Грузию. Одна близкая знакомая, уже взрослая сложившаяся женщина постбальзаковского возраста приехала, в городе никогда не была и с большим интересом стала разыскивать свою знакомую – подруж-

ку, с которой они в школьные годы, в старшем школьном возрасте, подружились в одной из поездок, очень душевно дружили. Потом, как часто бывает, связи разорвались, письма и открытки перестали посылаться. Каждая, в общем, прожила за прошедшие 40 лет, даже 50, как она говорила, лет своей жизни, но у моей знакомой сохранилась тяга, желание встретиться с этой девочкой, женщиной, вспомнить юношескую дружбу, излить какие-то эмоции.

С большим трудом, с помощью друзей, эта женщина была найдена, встреча состоялась, но закончилась фиаско. Если для одной это была мечта жизни, это было блестящее воспоминание о юности, то для второй – это была встреча, может быть, случайная, не оставившая большого следа, и приход из 50-летней давности этой бывлой подруги вызвал недоумение, удивление, может, даже раздражение, что приходится тратить время.

И, увы, всегда, когда возникает некое желание розыска таких старых знакомых, возникает вопрос, а нужна ли эта встреча, а того ли человека ты ищешь, ведь даже за 10-20 лет мы меняемся очень здорово, не говоря уже о 50-ти годах. Биохимики говорят, что наш химический состав меняется в среднем каждые 400 дней – так сказать, не остается ни одной молекулы, за 400 дней происходит полная замена химического состава организма, и строится по старой матрице, но уже нечто новое. Что же говорить о психике, памяти, о деформации нашей личности под влиянием событий.

С тех пор я стал задумываться, стоит ли иногда ворошить прошлое, стоит ли разыскивать этих старых знакомых. То есть да, 30-40 лет назад мы могли быть друзьями, сейчас – перед тобой может оказаться совершенно другой человек, для которого те отношения, те эмоции давно прошли, может, и тогда не были сильно значимы и серьезны. Вот так.

Зигзаг – гримаса эволюции

На шоссе некоторое время видел, в принципе, банальную, но довольно страшную, мерзкую картину: сбита машиной собака, изуродованная, по которой проехали автомобилисты, которые поленились объехать труп, и ворона, преспокойно клюющая останки нашего самого близкого животного, лучшего друга человека.

Встает вопрос достаточно философский и жизненный: безусловно, собака умней, адаптивней, ближе к человеку, наделена многими положительными чертами, которых у нас, у людей, нет, а человек ее убил; и ворона, которую мы ценим несильно высоко, нашего лучшего друга поедает. В жизни такие ситуации тоже нередко наблюдаются.

Предательство или деформация личности

Я уже упоминал в одной из вышеописанных глав о встрече, так сказать, бывших подруг спустя 50 лет и как это груст-

но и бесцветно закончилось. Иногда задумываешься: вот человек был рядом с тобой, как бы был близок, ты участвовал в его судьбе, он – в твоей, никто не считался, кто больше. Проходит время, и человек оказывается по другую сторону баррикад. Вот что это? Или это банальный термин – предательство, или деформация личности, изменение приоритетов, или, скажем, такой из высокой терпимости термин – разошлись жизненные пути, когда, как говорят, не сошлись характерами?

Очень интересно, и, в принципе, процесс непростой, и относиться к этим вещам тоже непросто. Понятно, что жизнь – процесс лабильный, но этот процесс, механика потерь, механика перехода людей на другую сторону, когда ты узнаешь, что какое-то время рядом с тобой был отнюдь не друг, не товарищ и даже не человек позитивно к тебе настроенный, это процесс очень сложный и болезненный.

Научиться этому, наверное, никогда нельзя, как бы ты к этому ни стремился, но самое главное – это давать этим вещам честные оценки. Да, этот человек был рядом, да, вы трудились, ты ему помогал. Потом у человека появились другие приоритеты. Когда смотришь – деньги, неудовлетворенные амбиции или что-то близкое к этому. Впрочем, данные рассуждения носят весьма беспредметный, умозрительный характер, но они присутствуют в биографиях у всех.

Новый год – языческий праздник

Новогодние праздники у меня всегда оставляют очень смешанные чувства: с одной стороны, такая ритуальная положенная радость – Новый год, елка, но празднование с этим языческим безудержным весельем, многодневным массовым всенародным пьянством, что привносится как одна из национальных, может, даже позитивных черт. Это развлечение самым невообразимым образом, смешение музыки, танцев, плясок, вообще, немножко напоминает какую-то папуасскую страну, куда попадаешь во время наших празднеств. Может быть, я не прав.

Но, с другой стороны, Новый год – это время подведения итогов, оценки себя, оценки прошедшего времени, это планы на предстоящий этап. Новый год, в любом случае, это, наверное, хорошо, но иногда заставляет задуматься.

Последний Новый год – хочу поделиться наблюдением. Было 31 декабря этого года в районе «Золотого пляжа» на Тургояке, утро, великолепное, светлое, чистое. Народ просыпается, а на мысу, который называется Тещин язык, раздастся вой собаки, причем наполненный болью, страхом, ужасом. Что-то случилось страшное – собака или попала в капкан, или в полынью, или еще в какую-то беду.

Собака – это наш друг, приближается год Собаки. И это несчастное животное так кричало – это не лай, не вой, это крик, это был крик умирающего существа – кричало, наверное, минут сорок. И ни один человек из тех, которые про-

гуливались, готовились к Новому году, не сделал никакого движения, чтобы хотя бы попытаться спасти это несчастное животное. Увы, я тоже был среди этих людей. В общем-то, стыдно.

А может, это был символ, или пророчество, или, не дай Бог, еще что-то. Но это была демонстрация нашей черствости, когда мы в угоду неким сиюминутным даже не проблемам, даже не заботам, а так, мелочам, не можем сделать шаг на помощь гибнущему существу, для которого стоял вопрос жизни и смерти. Кончилось, я думаю, смертью, потому что вскоре эти крики закончились. Увы.

100 лет без ответа

Не так давно исполнилось 100 лет Октябрьской революции. Ну, наверно, не Октябрьской, а Великой русской революции. Китайцы этой проблемой озаботились давно и преуспели в оценке событий, произошедших 100 лет назад в России, перевернувших мир, в том числе и Китай. Они это явление назвали Великая русская революция и объединили в один процесс Февральскую и Октябрьскую революции. Наверно, они правы.

Удивительно то, что мы не попытались сделать, не то что не сделали, а даже не попытались сделать ничего подобного, хотя некое подведение и осмысление столетия революция должно было, на мой взгляд, непременно произойти. Как без

этого двигаться вперед, как без этого жить дальше, не понимая, что с нами произошло и что мы натворили с собой за эти 100 лет? Начиная с советского мифотворчества об «Авроре», Ленине, Троцком, Гражданской войне, репрессиях и всего прочего и кончая последними событиями последнего тридцатилетия, которые тоже, в общем, корни-то имеют, наверно, там же.

Я очень хорошо помню себя мальчиком, второклассником. 1967 год. Дома появился первый большой телевизор. Взрослые после демонстрации обедали, как было тогда принято, а мы, дети, смотрели телевизор – показывали парад 1967 года на Красной площади. Парад был, надо сказать, замечательный – помимо современной техники, а ее было очень много, были тачанки, были танки времен Второй мировой войны.

Я думал: «Если удастся дожить до 2017 года и поглядеть – наверное, какой парад будет на столетие революции». Увы, ничего этого не произошло, и саму дату праздника перенесли. Хотя французы, несмотря на изменение исторических оценок и стиля руководства страной, по-прежнему чтят, помнят и отмечают День взятия Бастилии, потому что такое событие было. Мы же 7 ноября из нашей жизни постарались, увы, вычеркнуть, а день 4 ноября, когда, в общем, ничего не было, попытались вписать в список праздников.

Но, я думаю, время еще придет, и для этого есть большая общественная и государственная необходимость все-та-

ки осмыслить, что произошло в стране 100 лет назад, почему произошли эти революции, почему произошли эти циклопические изменения в жизни народа, перевернувшие весь мир.

Странно наблюдать, как оценка этих событий была сведена или, можно сказать, разменяна на парочку достаточно неудачных фильмов и актерам, именующих себя звездами, на откуп были отданы оценки Ленина, Троцкого и событий столетней давности. Всего-навсего актерам, которые не имеют ни исторического образования, ни каких-то оснований судить и давать глобальные оценки для многомиллионной страны таких глобальных процессов.

Но я думаю, что мы дождемся и оценок, и думаю, что эти оценки пойдут нам на пользу.

А так, вообще, очень обидно бездарно прошагать столетие революции страны, не попытавшись дать ответы на вопросы, которые волновали россиян и сто лет назад, и волнуют сейчас.

ОТМА

Наверно, немногие из читателей знают, что это такое. Это аббревиатура, составленная из имен дочерей Николая II. Я тоже, кстати говоря, узнал об этом очень недавно, когда удалось побывать в Ливадийском дворце в Крыму. И, надо сказать, это здание произвело очень сложное впечатление. За-

городная черноморская дача, где, с одной стороны, бесславно несколько летних своих периодов отпусков провела царская семья, там не было никаких событий, не было никаких серьезных встреч, не было никаких знаменитых людей; и там же, как мы знаем, в 1945 году, произошла Ялтинская конференция, знаменитая конференция, которая заложила основу для мироустройства в течение последующих 70 лет, и по следам решений этой конференций мы живем до сих пор.

Однако в экспозиции, в рассказах большую часть, наверно три четверти, занимает именно история отдыха бездарнейшего из российских царей, который довел страну до кризиса вследствие халатного отношения к своим обязанностям. И небольшая часть уделена тем судьбоносным дням, когда проходила Ялтинская конференция, стенам, которые помнят Черчилля, Рузвельта, Сталина, их помощников, соратников и те решения, которые там были приняты.

Некоторая материализация этой ситуации хранится у меня дома – крымские онкологи подарили за некую помощь, которую им оказывала наша клиника и я, бутылку массандровского портвейна 1945 года розлива. Редкость этой бутылки не только в том, что это 1945 год и большой возраст, а в том, что урожай-то был собран еще при немцах в 1944 году. В 1945 году произошел розлив. И во время конференции достаточно много вин, молодых вин, из-под подвалов Массандры было выпито. Но вот эта – уцелела. Пить ее, конечно, грех, и она стоит.

Но, как видите, собственно, об ОТМА, которой я назвал эту главу, сказать-то сильно и нечего. Да, была счастливая семья по-семейному, не государственных деятелей, которые там отдыхали, которые уехали и которых постигла очень тяжелая участь вследствие непрофессионализма и безответственности их отца. Девочек, конечно, безусловно, жаль.

Но запомним эту аббревиатуру ОТМА, за которой стоят несчастные судьбы, в общем, несчастных барышень, невинно пострадавших.

Ельцин-центр – один из лживых символов Екатеринбурга

Екатеринбург – город, в котором я много раз бывал, не могу сказать, что вызывает у меня какие-то определенные, четко очерченные чувства, – скорее противоречивые. С одной стороны, история, могучая история – история русской уральской промышленности, история уральской науки, Уральское отделение РАН. Наряду с этим есть два символа, которые, на мой взгляд, с моих позиций, вносят большой негативизм в этот образ.

Это Ельцин-центр – абсолютно талантливый, но лживый образ эпохи Бориса Николаевича Ельцина, пытающегося оставить в памяти потомков этого персонажа, которого скорее следовало бы забыть и перечеркнуть как одну из позорнейших историй нашей страны. С другой стороны, Храм на Крови, построенный в память царской семьи, которая была

убита, казнена под Екатеринбургом, но погибла вследствие неграмотности работы главы семьи – уж извините за казенщину – на должности царя Российской империи. Человек, который по своей бездеятельности погубил страну, себя, детей, не предпринял никаких мер для хотя бы спасения семьи.

И этот вопрос превознесения их на сегодня как святых, скандал с известным фильмом «Матильда» сводится к чему? По сути, ведь только мученическая смерть, а перед этим – отнюдь не праведная, не справедливая, не эффективная жизнь, которая погубила страну, миллионы и миллионы жителей, наших сограждан, и направила страну по очень сложному, извилистому и также кровавому пути.

Очень жаль, что уральский город с крепкой, хорошей историей несет в себе этих два лживых символа, очень лживых персонажа из лживых эпох. Обидно.

25 лет распада СССР

Не так давно мы незаметно перешагнули эту дату. Четверть века – это много. За 25 лет человек рождается, взрослеет, заканчивает школу, заканчивает институт, начинает работать, то есть выросло поколение и вошло в жизнь, которое появилось на свет уже вне Советского Союза, вне этого колоссального культурного, духовного слоя и феномена, который, наверно, долго не удастся повторить или создать что-то близкое. Но я пишу здесь свои впечатления, не даю исто-

рические события.

Я очень хорошо помню это утро в декабре, когда собирались на работу, по радио (еще дома была радиоточка, как у всех) в новостях передали, что вчера в Беловежской пуще известные персонажи подписали договор о прекращении существования Советского Союза, о независимости Украины, Белоруссии, России, Казахстана и других республик. Я про себя подумал: «Господи, ерунда какая, быть такого в принципе не может. Наверно, опять какие-нибудь чисто бюрократические, политические игры». Но оказалось – ан нет, всё всерьез.

И буквально через несколько месяцев появились валюты, появились курсы и появилась инфляция, появился отпуск цен Гайдара. Я очень хорошо помню этот Новый год, когда было непонятно, что будет завтра. А завтра – дико скакнули цены, и ты, будучи до этого представителем среднего класса, чувствуешь, что ты становишься нищим, ты не видишь перспективы. Когда предстоит командировка на Украину, а появляются гривны, появляются какие-то непонятные цены.

Конечно, это была геополитическая катастрофа, последствия которой мы еще долго будем, наверно, пожинать и представлять. Увы, разворота назад, наверно, нет. Но то, как легко и бездумно мы перешагнули туда, то без серьезных попыток оценить пройденные 25 лет, хотя бы для себя подвести баланс: что мы потеряли, что мы приобрели; вот это обидно. Но говорят же ведь, что история учит тому, что она ниче-

му не учит. Увы, это наша история, которую мы наблюдаем, участниками которой мы являемся.

Я помню, у бабушки я спрашивал (я уже упоминал, что она была моя главная учительница по истории нашей страны): «Скажи, пожалуйста, как объявили, что произошла революция?» Она говорит: «Да никак не объявили, никто вообще не знал, что это революция. Мы узнали только в 1918 году, когда началась Гражданская война. Сначала пришли красные и дядю моего пытались забрать, мобилизовать, но он убежал куда-то в лес, спрятался. Потом пришли белые, он спрятался на сеновале. Белые начали искать на мобилизацию молодых мужиков и парней, тыкали шомполом в сено, в него попали, он не выдержал – застонал, и так оказался белогвардейцем, был мобилизован и откуда уже не вернулся. Вот вся революция».

По сути, с точки зрения восприятия человека, гражданина, современника, распад Союза произошел точно так же: потыкали шомполом, в кого-то попали, в кого-то – нет, но все застонали. Но, к сожалению, последствия не оценили.

Слова благодарности

Некоторое время назад группа наших врачей летела в командировку в Москву. Все было обычно, все было привычно, но во время посадки в Шереметьево произошла аварийная ситуация – самолет три раза безуспешно заходил на по-

садку, пассажиры видели выстроенные вдоль полосы пожарные машины, кареты медицинской помощи, какие-то другие спецавтомобили. Представляете себе настроение и состояние людей, которые привычно летят в командировку.

К счастью, благодаря мастерству пилота все закончилось хорошо, самолет успешно приземлился. Были какие-то серьезные проблемы с шасси. И мы, компания врачей, написали в «Аэрофлот», в управление гражданской авиации, письмо с просьбой, с выражением нашей благодарности экипажу, командиру экипажа, который показал высочайший профессионализм, сохранил, не допустил в салоне паники. То есть мы сделали обычный жест вежливых благодарных людей.

Очень удивительно, что, несмотря на существование закона об обращении граждан, мы никакого ответа из «Аэрофлота» не получили. К сожалению, мы так и не знаем, сказал кто-то спасибо и слова признательности классному пилоту или нет. Не только ведь на жалобы надо отвечать, надо отвечать и на благодарности. Очень обидно, когда чиновничество, когда руководство так реагирует и не ценит профессионализм своих сотрудников и вообще людей.

Митрополит Амвросий

Это имя, наверно, не очень или почти совсем неизвестно большинству читателей, однако митрополит Амвросий внес очень важную строку в раздел отечественной медици-

ны, в частности, в раздел инфекционных болезней, не будучи ни врачом, естественно, ни микробиологом. До рождения Пастера оставалась еще пара веков, но, однако, когда в Москве в XV веке разгорелась эпидемия чумы и народ кинулся замаливать грехи, массово ходить в церкви, организовать крестные ходы, Амвросий интуитивно понял (человек был, видимо, незаурядный) то, что некое инфекционное начало распространяется и процветает именно при этих массовых сборищах. Он запретил массовое посещение церквей, запретил массовые крестные ходы. За что богоизбранным народом-богоносцем был на улице зверски убит. И, по-моему, даже и похоронить его толком не удалось.

Интересный урок, когда носитель знаний пытается внести их в народ ради спасения народа и платится за это жизнью. Далеко не всегда, далеко не всегда основная масса населения способна воспринять знания, которые идут вразрез с их представлениями о разумном, их представлениями о настоящем. Это, наверно, наша российская такая «традиция», когда носитель знаний, носитель истины неприятной для масс, для толпы – всегда рискует, в лучшем случае, карьерой и общественным положением, а в худшем случае, и жизнью.

Но давайте, тем не менее, не забудем это имя – митрополит Амвросий, который пожертвовал своей жизнью ради знания, ради попытки спасти своих сограждан от страшной болезни. Поплатился за это жизнью, но не побоялся отстаивать свои принципы и взгляды, отстаивать приоритет зна-

ний.

Еще о страстях по РАН

Этот многотрудный период соединения академий, избрания в академики новых членов побудил целый ряд скандалов, прежде всего в медицинской среде. И страшно даже не то, что ряд молодых персонажей, которые, скажем, мягко говоря, не соответствуют по своему уровню званию члена-корреспондента, просочились, в силу различных коррупционных схем, в Академию наук. Дело в том, что это нанесло колоссальный вред понятию «профессиональная династия», «профессиональная преемственность» и в какой-то степени заменило это термином «коррупция».

Это очень опасно для медицины, очень опасно для науки, когда прерывается этот профессионализм, выращенный через семью. Поверьте, я по своему опыту могу сказать, что, как правило, из врачебных семей выходят хорошие врачи, хорошие специалисты и хорошие ученые. И процент ошибок в выборе профессии в этой ситуации меньше, чем в общей популяции. Это понятно, тут нет ничего обидного или ненормального – ребенок, который видит родителей, работающих в больнице, клинике, видит их друзей, которые живут в этой же среде, более подготовлен к тому, с чем он встретится в реальной жизни.

И это бесовство, которое процветало в ряде наших круп-

ных клиник, в том числе онкологических, нанесло жестокий удар и вынесло на суд улицы, общественности проблемы, которые должны обсуждаться в профессиональном сообществе. Я не называю ни имен, ни фамилий, это не надо. Так сказать, кто в теме, те понимают, о чем идет речь. Но очень хочется, чтобы эта негативная волна затихла и не захлестнула старинные врачебные традиции, традиции врачебных, медицинских семей, да и не только врачебных, это не только врачебные.

Кто сказал, что плохо, когда в семье офицер вырастает офицер? И мы знаем очень много примеров совершенно позитивного плана, когда в семье учителей вырастают блестящие педагоги, когда в артистической среде рождаются и вырастают гениальные актеры. Примеров таких очень много. Но есть и другие. И очень не хочется, чтобы опять, в который раз, вместе с водой были выплеснуты и дети.

Москва. Малая Никитская, 28.

Когда бываю в Москве, всегда стремлюсь попасть в этот район, пройти мимо этого дома. Я думаю, что здесь спрятана одна из самых страшных тайн нашей страны – тайна, связанная с резким изменением курса страны, потерей стратегического развития. Судя по анализу доступных сейчас литературных материалов, здесь был, наверно, убит Лаврентий Павлович Берия в июне 1953 года. По крайней мере, это ка-

жется достаточно логичным. Интересное историческое место. Если б могли камни рассказывать, они бы много рассказали – и о том, какие мысли были у хозяина этого дома, планы развития страны, мира, промышленности; какие люди здесь бывали. А, судя по всему, люди были тоже весьма масштабные.

По одной из легенд, которая есть в литературе и которая, скажем так, известна среди старых сотрудников «Росатома», ядерно-оружейного комплекса, нельзя исключить, что в гостях в этом доме у Берии в свое время был Роберт Оппенгеймер, руководитель американского атомного проекта.

Уважаемые читатели, если будет время, будет возможность, пройдите мимо, вспомните, кто здесь жил, какие мысли здесь витали и какое место могла бы занимать наша страна, если бы в руководстве страны был технократ, а не политический авантюрист, который на длительный период обманул государство, испортил отношения со многими нашими соседями и, в общем-то, привел страну к страшным кризисам.

Повторяю: Малая Никитская, 28.

Флавиан

Под этим псевдонимом пишет известный российский священник Александр Торик. Посчастливилось прочитать несколько его книг, посвященных паломничеству на гору

Афон, причем удачно совпало, что как раз незадолго до этого я там побывал. Великолепный юмор, потрясающее описание бытования монахов и священников, оно пробуждает интерес к православной культуре, к православному мировоззрению, но вместе с тем книги-то не только развлекательные – как любая серьезная литература, несут в себе и очень много информации, пищи для душевного труда.

Так, одна из последних его книг под названием «Армагеддон» служит именно этому. Меня поразила фраза, наверно, главная в этой книге и важная для нас особенно сейчас. «В Армагеддоне нейтральной стороны нет. В жизни бывают ситуации, когда невозможно найти компромисс, когда любой компромисс аморален, а имеют место быть только однозначные, четкие и понятные решения. У каждого из нас Армагеддон свой, и мы должны помнить, что он есть и есть ситуации, когда нужно принимать именно такие, «армагеддоновские» решения. Они тяжелые, но они судьбоносны и важны. **На какую сторону в Армагеддоне ты встанешь – на правую или бесовскую? На правую встать трудно, на бесовскую – страшно, но выбор за каждым из нас. В Армагеддоне нейтральной стороны нет».**

Юбилеи и события

В том возрасте, в котором нахожусь сейчас я и мои друзья, это возраст определенной зрелости, реализации замыс-

лов и амбиций, случаются события двух видов: это юбилеи и события. Причем традиция предписывает отмечать юбилеи, но, на мой взгляд, это где-то функция от течения времени и твоего возраста, но, наверно, нет большого подвига – достигнуть возраста 50-55(56) лет. Если здоровье и жизнь позволили – слава Богу. Это не является подвигом.

Я помню, как меня в начале моей карьеры доводил до бешенства термин ряда моих коллег (кстати, не очень грамотный), это был единственный аргумент в споре: «Я онколог с 15-ти или 20-летним стажем». Ну и что? То, что ты честно, грамотно отработал какое-то количество лет или дожил до какого-то возраста, отнюдь не является свидетельством твоей успешности и авторитета. А вот события в жизни, которые случаются не у всех и намного реже, чем юбилеи, я считаю, что надо отмечать, и придерживаюсь этой линии.

Так, в свое время это было определенным таким прорывом, когда в 1996 году я стал профессором. Мы достаточно широко отметили это событие. Многие – собственно, даже большинство – участники этого банкета, который проходил в столовой областной больницы (тогда широко не гуляли, как сейчас), рядом со мной, они вместе со мной, кто-то, может быть, помнит, как это было весело и здорово.

Затем было избрание членом-корреспондентом. Это сопровождалось тоже сбором друзей и празднованием этого события, которое резко и очень существенно сказалось на моей жизни и, я думаю, на жизни ряда окружающих меня

коллег.

И, наконец, последнее яркое событие (может быть, самое яркое в профессиональной жизни) – избрание академиком РАН. Я тоже посчитал нужным собрать, прежде всего, сотрудников диспансера, заведующих отделениями, с которыми мы прошли этот нелегкий путь и определенная доля заслуг в успехе есть и их.

Поэтому хочу подвести некую черту: события в жизни и сопровождающее их, скажем так, оформление я ставлю намного выше возрастных юбилеев, которые приходят практически с неизбежностью, если, конечно, удастся во здравии и здоровье до них дожить. Я – за события.

Заключение

Ну, наверное, хватит, не хочется быть навязчивым, Боже упаси – надоест читателям. Может быть, подысчерпан запас тех интересных фактов, которые накопились. В общем-то, жизнь не бесконечна и объем впечатлений тоже не бесконечен.

Буду рад, если в книжке удалось поделиться чем-то интересным для вас, напомнить какие-то события. Может быть, вы увидите те же события, в которых мы участвовали, с моей точки зрения, это покажется вам интересным, полезным или забавным.

Но в целом, как говорил мой любимый Незнайка, я готов

к новым приключениям.